

*Дьявол
в лице избранных*

ЛИНДА ФРЕНСИС ЛИ

Линда Фрэнсис Ли

Дьявол в Лиге избранных

OCR Roland; SpellCheck Satok

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156637

Дьявол в Лиге избранных: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007

ISBN 978-5-17-039647-4, 978-5-9713-5278-5, 978-5-9762-1657-0

Аннотация

На идеально причесанную головку «настоящей южной леди» Фредерики Уайер обрушилась беда...

Ее муж не просто сбежал с секретаршей – он ухитрился прихватить с собой все деньги жены!

Элегантно обставленное семейное гнездышко, согласно условиям брачного контракта, тоже переходит к изменнику и его новой супруге.

Прощайте, туалеты от-кутюр, тувельки от Маноло Бланика и роскошные салоны красоты! Здравствуй, печальная необходимость заботиться о завтрашнем дне!

В отчаянии Фредерика заключает сделку.

Нет, не с дьяволом, хуже! Никакой дьявол не сравнится с хитроумным и циничным адвокатом Говардом Граугом, который еще ни разу не проигрывал дел и готов помочь Фредерике. Но взамен он требует невозможного...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	24
Глава третья	41
Глава четвертая	55
Глава пятая	68
Глава шестая	80
Глава седьмая	94
Глава восьмая	109
Глава девятая	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Линда Френсис Ли

Дьявол в Лиге избранных

Глава первая

Лига избранных Уиллоу-Крика, штат Техас, является эксклюзивной, одной из старейших и самых-самых элитных в стране. И мы прилагаем все усилия, чтобы сохранить этот статус. Неудачникам просьба не беспокоить.

Без сомнения, мой рассказ вызовет шок. Но вам ни за что не понять, как я вдруг оказалась в такой ужасной ситуации и почему поползли все эти слухи о моей персоне, если я не расскажу все, как было, всю правду, ничего не скрывая.

Итак, действительно, все мы в Лиге избранных Уиллоу-Крика можем быть причислены к *crème de la crème*, то есть сливкам общества. Поверите ли вы, что богатейшие люди в Техасе готовы кого попало одаривать деньгами, неделями принимать на своих огромных ранчо и кормить обедами на роскошных виллах? Полагаю, что нет. И где, вы думаете, мы берем эти деньжищи, которые затем отдаем нуждающимся? У тех самых богачеев.

Меня зовут Фредерика Мерседес Хилдебранд Уайер. Несмотря на старомодное звучание имени, мне всего двадцать восемь лет. Для друзей я Фреди, для мужа – Фред.

Мне нравится думать о членах ЛИУК (Лиги избранных Уиллоу-Крика) как о неких женщинах – Робин Гудах (хотя внешне мы, конечно, не похожи на лесных разбойников в трико). Мы выманиваем деньги у своих богатых мужей и, косвенным образом, у их богатых компаний. А делаем мы это ночью в постели, нежно поглаживая своих супругов ручками с безупречным маникюром.

Происходит это примерно так.

Закладка фундамента: «Дорогой, если Баско, Бранден и Бэттл выставят на рождественский аукцион Лиги недельный тур на лыжный курорт в Аспен, куда счастливчик отправится на реактивном самолете, я уверена, что это будет один из самых дорогих лотов».

Создание конкурентной ситуации: «Дорогой, ты же, правда, слышал, что Роберт Мелман предложил яхту своей компании для круиза на Карибы? Минди Мелман, благослови Господь ее душу, была сама не своя, когда объявила об этом на общем собрании».

Заключение сделки: «Знаешь, солнышко, это позволит снизить налоги. Помнишь, в прошлом месяце произошел этот дурацкий конфликт Баско с Государственным комитетом по защите нравственности? Уверена, что, когда Баско сделает пожертвование на благотворительные цели, большая золотая звезда за заслуги перед штатом ему обеспечена. Кстати, ты не забыл, что председатель Комитета нравственности – Джим Уиман, муж Сесилии?»

Иногда за этим следует секс, хотя деньги обычно дают и так.

Честно говоря, не все члены Лиги замужем, и, конечно, не все так уж богаты. Заметьте, никто из нас не заканчивает свои дни в богадельне – ну, разве что те немногие, кто не скопил достаточно спонсорских денег, жил не по средствам или приобрел дурные привычки, которые слишком дорого обходились. Действительно, кому такие нужны? Так что чем скорее их отправят в богадельню, тем лучше. Стоит ли продлевать их мучения?

Я знаю, мои слова звучат очень цинично, зато честно: это ведь акт милосердия – дать им легкий пинок под зад, чтобы они перестали тратить то, что им более не принадлежит, безуспешно пытаясь сохранить свой статус.

Как я уже говорила, ЛИУК состоит из сливок общества, однако внутри Лиги существуют различные классы.

Первый класс: состоятельные и известные особы.

Второй класс: известные особы, не имеющие значительного капитала.

Третий класс: те, у кого есть деньги, но нет имени.

Чтобы получить место на одной из ступеней ЛИУК, соискательница должна иметь безупречную репутацию, ее кандидатуру должны одобрить шесть уважаемых членов Лиги, которые знают ее как минимум пять лет, – будь то действительные члены или отошедшие от дел, так называемые «сочувствующие». К тому же претендентка должна пройти собеседование.

дование в Комитете Лиги. Это чем-то напоминает процедуру утверждения американским Конгрессом кандидата на высокий государственный пост, которого предложил президент Соединенных Штатов.

Вас, наверное, интересует мое место в этой иерархии? Так уж случилось, что я одна из тех немногих, кто имеет свое собственное состояние и положение в обществе. Только поэтому все закрывают глаза на то, что у меня есть работа.

Да-да, работа.

Видите ли, мне принадлежит изумительная картинная галерея, со штатом сотрудников, которые, к счастью, выполняют почти всю работу. Я же обеспечиваю высокое качество выставляемых в галерее работ и ее стабильное финансирование. Считаю также своим долгом материально поддерживать бедных изголодавшихся художников (тех, кто занимается искусством, а не ширпотребом). Вдобавок ко всему чеки выписывает мой муж, и бухгалтер просто вне себя от счастья.

То обстоятельство, что я замужем за Гордоном Уайером, сыном Милбруна Смита Уайера, о котором вы, возможно, слышали, значительно повышает мой статус.

Уайеры – известное в Техасе семейство, хотя у них почти ничего не осталось от богатства, которое свалилось на их предка, обнаружившего на исходе позапрошлого века нефтяную скважину у себя на заднем дворе. Иногда мне кажется, что Гордон так и не смог свыкнуться с тем, что он из небогатой семьи. Я могла бы решить, что он женился не на мне, а

на моем банковском счете, если бы все вокруг не твердили, что я самая красивая женщина в Уиллоу-Крике. Однако это не совсем верно, потому что титул мисс Техас получила Энни Уилсон. Ей, кстати, сейчас ей уже за тридцать.

И хотя состояние принадлежит мне, Гордон им управляет, а это означает, что мне все еще приходится исполнять «танец живота», чтобы убедить его, что «наши деньги», как он их теперь называет, используются с умом.

Не то чтобы кто-то из тех, кого я знаю, обсуждал «танец живота». Это в принципе невозможно, так как мы в ЛИУК никогда не говорим о сексе. Вместо этого мы с подругами беседуем об обыденных вещах, о которых наши мужья не желают слышать: о детях, модных прическах, одежде и бытовой аппаратуре, а также о тех, кто вот-вот потеряет или уже потерял деньги.

Есть еще несколько постоянных тем для разговора, но тут нужны некоторые пояснения.

Во-первых, страдающая анорексией Анна. Она клянется, что ест все подряд, но, черт возьми, просто не может поправиться. А я уверена, что ей пошло бы на пользу, если б она перестала вызывать рвоту с целью сохранения своего четвертого размера.

Во-вторых, Особенный Голубой Цвет. Это название не имеет ничего общего с голубым лозунгом распродаж в супермаркетах «Кей-Март». В данном случае ОГЦ – это несчастные, которые отбелили свои зубы до такой степени,

что они кажутся голубыми. Женщин такого типа можно увидеть с неизменной чашкой кофе в руке, они пьют только красное вино и обычно родом из Калифорнии.

В-третьих, ОС (расшифровывается как «огромные сиськи», а не «оральный секс». Нет, девушки Лиги не из таких. Слишком грязная работа).

В-четвертых, силиконовые губы а-ля Анджелина Джоли.

В-пятых, НС – некто Не Супер. Произносится так: Нэнси.

Если соединить это все в предложении, получится: «Вон Нэнси с Особенным Голубым Цветом, ужасно сделанными ОС и «джоли» размером с автомобильные шины».

Затем следует наша любимая тема – категории мужчин.

Их три:

а) богатые и привлекательные, также известные как «Грязные Деньги», ведь почти каждый богатый человек в Техасе сколотил состояние на нефти, земле или коровах;

б) бедные и привлекательные, обычно называемые «Досадной Ошибкой» из-за потраченного на них времени;

в) бедные и уродливые – честно говоря, вряд ли имеет смысл придумывать им название.

Я прямо-таки слышу этих феминисток Синих штатов (либеральных, в отличие от консервативных Красных штатов), бьющихся в истерику из-за наших разговоров, не говоря уже о приемах, которые мы используем, чтобы выудить жертвования у наших мужей. Как оказалось, некоторые из этих феминисток устраивали публичные скандалы, вынуждая на-

циональный штаб Лиги избранных принять более демократичную процедуру вступления в наши ряды.

Техас не поддался на провокации и все еще сопротивляется попыткам лишить нас нашей эксклюзивности, точно так же как наши предки противостояли испанцам, французам и Армии северян. В штате Одной Звезды все еще проще получить приглашение на виллу губернатора, нежели быть принятым в ЛИУК.

Сейчас, взяв тайм-аут, члены Лиги в Техасе пошли на уступки букве нового закона, отказавшись от старого доброго голосования, и приняли «демократичную» процедуру вступления. Возможно, требования к кандидаткам немного завышены и только наиболее выдающиеся женщины в городе могут им соответствовать. Однако если кандидатка действительно подходит «по всем статьям», ее принимают. Клянусь.

Все это очень демократично. Разве мы виноваты, если женщина не была знакома в течение как минимум пяти лет с шестью членами ЛИУК, которые готовы за нее поручиться?

Знаю, может показаться, будто я хвастаюсь. Но в самом деле, мне нужно обрисовать вам всю картину, чтобы вы в полной мере оценили работу Лиги избранных Уиллоу-Крика и поняли, как я оказалась в нынешнем ужасном положении.

Как ни странно, в тот день, когда моя жизнь пошла наперекосяк, я проснулась в прекрасном расположении духа. Я встала с постели и вдруг почувствовала тошноту. Меня тошнит!!!

Взволнованная, я кинулась в ванную – роскошную комнату, которая, смею уверить, превышает по площади многие дома по ту сторону железнодорожных путей Уиллоу-Крика, наклонилась над унитазом, и меня вырвало. Ну, скажем, почти вырвало. Я ликовала. Утренняя тошнота!..

В качестве еще одного подтверждения моего деликатного положения мой обычно плоский живот выпирал – вследствие беременности, как я была уверена, а вовсе не из-за пяти кусочков торта с двойным слоем шоколада, которые я съела накануне вечером, пребывая в глубокой депрессии, оттого что мне так не хватает малютки Фредерика или Фредерики.

Других доказательств мне не требовалось. После шести долгих лет безуспешных попыток забеременеть, шести долгих лет секса, сначала спонтанного, а потом по графику, в сочетании со всеми известными методами лечения бесплодия, я оказалась в положении. Наконец-то «танец живота» дал более значимый результат, чем благотворительный денежный взнос.

Вот почему в тот день на заседании комитета по новым проектам в главном офисе ЛИУК я была рассеянна. На собрании присутствовали только члены Исполнительного совета, так как мы планировали бюджет на следующий финансовый год. Вряд ли я хорошо понимала, о чем говорили выступавшие, выдававшие сплетни за важные новости. Я ничего не имею против сплетен и часами длящихся собраний, но в тот день я торопилась.

– Фредди, сколько заявок на финансирование мы получили? – Это была Пилар Басс, председатель комитета.

Я знала Пилар почти всю жизнь. В первом классе мы с ней создали маленькое Общество лучших друзей. Мы поклялись навеки оставаться подругами. Но школьные обещания мало чего стоят – по крайней мере, так сказала Пилар, которая, как я теперь понимаю, была реалисткой уже тогда, в шесть лет.

Она оказалась права. Наши тесные дружеские отношения распались во втором классе старшей школы. Каждый раз, встречаясь теперь, мы делаем вид, что не проводили вместе каждый пятничный вечер и не ночевали друг у друга дома, делясь секретами и обмениваясь одеждой, и не кололи пальцы, чтобы стать кровными сестрами на всю жизнь. В старших классах Пилар выбрали лучшим участником дебатов. Меня избрали первой красавицей. К концу нашего обучения в Уиллоу-Крике она была президентом кружка дебатов, я – королевой школы. Окончив школу, Пилар совершила ошибку, поехав на север учиться в колледже, а потом устроилась на работу в Нью-Йорке. Когда она вернулась в Техас, в ней осталось мало техасского.

Пилар приехала в черном мешковатом костюме. Сменив контактные линзы на очки в толстой роговой оправе, она, по техасским понятиям о красоте, выглядела посмешищем. А волосы! Интересно, в Нью-Йорке действительно кому-то нравятся эти прилизанные прически?

Но я отвлеклась.

Повзрослев, Пилар стала амбициозным членом Лиги. К любому вопросу она подходит как суровый защитник корпоративных интересов, способный кого угодно довести до белого каления. Она забыла, что можно, и даже желательно, прятать свои истинные чувства за «Благослови вас Бог» и «Вы так милы». Она забыла, что разгадывать скрытый смысл слов, обильно сдобренных улыбками, было своего рода искусством, которому тexasские барышни обучались точно так же, как вальсу перед первым балом. Она стала пренебрегать неписаными правилами поведения, которые передавались, как система тайных знаков, из поколения в поколение.

Только не поймите меня превратно: не то чтобы тexasские женщины не высказывают своего мнения. Мы не немые. Просто мы сопровождаем свои слова сладкими улыбками и нежными объятиями, отчего резкая критика кажется комплиментом, а истинный смысл этих слов проявляется позже, поражая, как хук слева. Тexasская женщина может послать вас к чертовой матери, но вы будете думать, что предстоящее путешествие доставит вам истинное удовольствие.

– Фреди, ты слушаешь? – раздраженно спросила Пилар. Ее абсолютно прямые, ровно остриженные черные волосы воинственно колыхались, задевая плечи.

«Нет» казалось неподходящим ответом. Но я в самом деле отвлеклась. Хотя я и была уверена в своей беременности, медицинского подтверждения у меня не было. Я хотела при

первой возможности сбежать с собрания и пропустить почти обязательный после встречи ленч в «Брайтли», кафе Лиги избранных. Само собой, все думают, что я проведу с членами Лиги весь день. Я намеревалась уйти пораньше, чтобы избежать лишних вопросов и неинтересных теперь разговоров. По дороге на собрание я забежала в аптеку, и мне хотелось как можно быстрее очутиться дома и сделать тест на беременность.

Не желая рассказывать обо всем этом, я судорожно сообщала, о чем идет речь.

Пилар вздохнула:

– Я спросила, сколько получено заявок на новые проекты.

– О, да, конечно. – Я одернула кремовый кашемировый свитер, достала именной блокнот с надписью «Фреди Уайер» и бегло пролистала его. – Мы получили двадцать заявок, но только шестнадцать из них содержат конкретные предложения. В итоге я остановилась на пяти.

На секунду повисла зловещая тишина.

– На пяти? – переспросила Пилар.

Члены Исполнительного комитета по новым проектам удивленно обернулись, привлеченные ее властным тоном. Собираясь с мыслями, я переводила взгляд с одного лица на другое. Вот Элизабет Мортимер, ей тридцать два, хотя она клянется каждому, кто готов слушать, что ей двадцать восемь. Но я-то точно знаю, что ей не может быть двадцать с чем-то, потому что она училась в старших классах школы

Уиллоу-Крика, когда я только поступила туда. Вся штука в том, что она встречается с этим милашкой Рэмси, которому только двадцать шесть. В самом деле, какой женщине хочется быть старше своего бойфренда?

Еще одной из присутствующих, помимо Пилар и вашей покорной слуги, была Гвен Хэнсен. На самом деле ее звали Гвендолин Мур-Бентли-Бейкер-Хенсен. Она трижды побывала замужем, теперь приближалась к сорока и статусу «сочувствующего», когда члены ЛИУК вынуждены выполнять не активную роль, а, скорее, наблюдать и контролировать. Мы все знали, что она переспала со всем Уиллоу-Криком, сделав секс своим любимым видом спорта. Гвен никогда бы не попала в ЛИУК, если бы уже к тому времени не состояла в Лиге. Выгнать однажды принятую в члены Лиги женщину ужасно сложно, это все равно что лишить судейского статуса члена Верховного суда.

К несчастью для ЛИУК, у Гвен денег даже больше, чем у меня, так что в качестве последнего средства мы решили выдать ее замуж в четвертый раз, в надежде, что это ее успокоит.

Что касается Пилар, то ее гневный пронзительный взгляд меня не беспокоил. Что она может сделать? Выгнать меня? Меня, Фреди Уайер?

Несмотря на все амбиции Пилар, никто из нашего круга не сомневался, что я пойду по стопам своей матери и когда-нибудь стану президентом Лиги избранных.

Я нежно улыбнулась ей:

– Пилар, дорогуша, если ты хочешь взять заявки и посмотреть их сама, я не против.

Я извлекла папку от Луи Вюиттона, которую купила специально для этой встречи, пачку официальных бланков и толстые стопки подробно изложенных предложений. Когда я протянула ей бумаги, она презрительно фыркнула:

– Ладно, рассмотрим пять.

Клянусь, я не злорадствовала. Свою маленькую речь я начала с улыбкой:

– Жена Мориса Трудо просит, чтобы мы помогли открыть сад скульптур ее мужа.

Тяжелый вздох прошелестел в заскучавшей аудитории. Элизабет и Гвен снова уставились на меня остекленевшими глазами.

Морис Трудо, получивший образование в Европе, слыл одним из лучших скульпторов в Техасе, но он был невысок ростом и внешне непривлекателен. То, что его «Пьета»¹ была очень изящна и стояла перед входом в музей «Метрополитен», не имело значения. По крайней мере, для остальных членов комитета. Меня же, напротив, эта тема весьма заинтересовала. Как директор и владелица галереи Хилдебранд (не говоря уже о дипломе искусствоведа Университета Уиллоу-Крика), я считала себя обязанной высказывать свое мнение обо всем, что имеет отношение к искусству:

¹ Скорбящая Богородица (*ит.*). Здесь и далее примеч. пер.

– Он потрясающий скульптор. Настоящее техасское дарование. Его жена говорит, что для закладки сада нужно всего сто тысяч долларов и десять-двенадцать волонтеров.

Пилар строчила в своем простом блокноте на пружинке.

– Следующий в списке, – продолжала я, – конно-спортивный лагерь для детей, страдающих аутизмом. Десять тысяч. Мне очень импонирует идея помощи аутичным детям, но я не думаю, что нам удастся найти двадцать волонтеров из наших членов для его обслуживания.

Женщины согласно закивали.

– Проект номер три: программа послешкольного образования для детей из неимущих семей в южном Уиллоу-Крике, на которую требуется тридцать тысяч и восемь волонтеров. Номер четыре: оздоровительная программа для пожилых людей стоимостью шестьдесят тысяч, требующая десять волонтеров. Наконец, к нам поступила заявка на два отличных современных комплекса интенсивной терапии для родильного отделения больницы Святой Бетани. Там нужно пять волонтеров. Каждая машина стоит сто тысяч долларов. Это максимально вписывается в общую концепцию нашей деятельности, кроме того, Маргарет Джеймс просто прохода мне не дает, так как она возглавляет этот проект. Если Лига примет предложение, они с мужем пополнят наш фонд.

Когда прозвучало имя Маргарет, не-такая-уж-молодая-но-миленькая Лизабет усмехнулась (открыто), Пилар неприязненно поджала губы, а наша вездесущая Гвен по-

смотрела на меня с сознанием собственного превосходства. Репутация у Маргарет была еще хуже, чем у Гвен, хотя дело тут вовсе не в секс-эскападах. В отличие от Гвен, Маргарет изо всех сил старалась восстановить свое доброе имя, после того как ее муж не поладил с законом. К счастью, все было улажено, и его лишь слегка пожурили. К несчастью же, он нанял для ведения своих дел Говарда Граута, адвокатишку, о котором шла дурная слава. Я никогда не имела с ним дела и надеюсь, что не придется; говорят, он самая настоящая ищейка, неотесанный мужлан, увешанный золотыми цепями, безвкусно одетый и с карманами, полными денег. Коротче говоря, он был воплощением стереотипа в худшем его варианте.

А еще он был моим соседом.

Я жила в «Ивах» – элитарном закрытом жилом комплексе. Двумя годами ранее Говард и его толстуха жена купили землю старика Дюпона рядом с моей, что уже само по себе не радовало. Но затем они начали возводить это ужасающее, напоминающее дворец строение, которое шокировало всю округу.

– Довольно, леди, – распорядилась Пилар, прервав увлекательное обсуждение сплетен. – Я считаю, что все проекты заслуживают внимания, однако все они вторичны. Фреди, я все-таки хочу рассмотреть все поступившие заявки. Дело в том, – добавила она без тени самодовольства, – что у меня есть одна идея, которую, как мне кажется, стоит обсудить.

Лизабет и Гвен затаили дыхание. Я притихла под изучающим взглядом Пилар, но не собиралась сдаваться перебежчику в лагерь Синих штатов. Я просто улыбнулась и передала ей бумаги:

– Ты совершенно права, дорогая. На, посмотри документы. Уверена, у тебя предостаточно времени, чтобы выполнить и свою работу, и мою. И несомненно, твоя идея просто замечательная.

Или нет. Все знали, что Пилар не отличалась изобретательностью.

Я встала и послала всем воздушный поцелуй:

– Чао, девочки. Мне пора.

– А как же ленч? – спросила пораженная Лизабет.

– Прости, дорогая. У меня неотложные дела.

Наконец я сбежала. Сердце билось в такт шагам (туфли от Маноло на низком каблуке, шпильки – это очень вульгарно, на собрание комитета никто не приходит на каблуках), пока я быстро шла через автостоянку к своему белому «мерседесу» класса С. Скоро у меня будет лучший семейный автомобиль, последний «шевроле сабербан», и я смогу нестись по улицам со своими отпрысками, весело болтающими на заднем сиденье по пути из одного кружка в другой. Во всяком случае, в те дни, когда у няни будет выходной.

Погода в начале весны в Техасе великолепная, еще не жаркая и без дождей, небо высокое и безоблачное. Я повернула ключ зажигания и направилась к «Ивам», радостно пред-

ставляя себе вежливых, чрезвычайно послушных маленьких ангелочков. Мое кольцо с розовым бриллиантом редкой огранки сияло в солнечных лучах, тест на беременность «Чисто голубой» лежал в своей пластиковой упаковке на соседнем сиденье, пока я неслась к дому. Не притормаживая на перекрестке, я помахала рукой полицейскому Блейку, часто патрулировавшему наш район, и улыбнулась, когда он укоризненно покачал головой, потому что я не остановилась перед знаком.

Я летела на полной скорости по извилистым узким улицам Уиллоу-Крика, мимо главной площади и антикварных магазинов, мимо помпезного здания суда с дорическими колоннами из песчаника, мимо университетского городка и студентов, которые, к счастью, не попадались мне на пути.

Минуту спустя я уже подъехала к охраняемому въезду в «Ивы».

Я терпеливо ждала, пока охранник открывал электрические ворота. Он почему-то уставился на меня, открывая и закрывая рот, как рыба в аквариуме.

Я опустила стекло.

– Хуан, душка, – я всегда мила с прислугой, – я тороплюсь. Пожалуйста, открой ворота.

– Но... но...

Когда «но» утихли, он произнес что-то вроде «Madre mia» и нажал кнопку.

Я не стала спрашивать, что случилось, и не придавала

его словам особого значения, несясь по мощеной Блю-Уиллоу-лейн к своему огромному дому и ванной, чтобы наконец сделать тест.

Я въехала на подъездную дорожку, окаймленную аккуратно подстриженным кустарником, затем миновала выложенную кирпичом тропинку, ведущую к гаражу. Свернула направо, направляясь к парадной двери. Как только я достигла вершины холма – перед глазами предстал мой безупречный дом из красного кирпича с белеными стенами в георгианском стиле, – я увидела незнакомую светло-коричневую машину.

У горничной, которая жила в доме, был аккуратный, как пуговка, «форд фокус», который мы ей купили. Кроме того, в среду у нее выходной. Садовник ездил на грузовичке. Гордон по средам играл в теннис в загородном клубе Уиллоу-Крика. Все это означало, что у подъезда не должно быть никаких машин.

Мое сердце учащенно забилося, что бывало крайне редко, и, оттого что я так торопилась, казалось, что все вокруг происходит, как в замедленной съемке. Можете думать, что я драматизирую, но именно так я и чувствовала – медленно и быстро одновременно, что мне совсем не понравилось.

С невозмутимым спокойствием, доведенным на протяжении многих лет до совершенства, я припарковалась нос к носу со злополучным авто. Доставая ключи, я вдруг будто увидела себя со стороны: как открываю дверь и вхожу в двух-

этажный холл, затем поднимаюсь по длинной, изгибающейся лестнице к нашей с Гордоном спальне. У меня было тягостное чувство, будто я знаю, что увижу. Но войдя в дом, я услышала шум ссоры.

Там были две женщины. Моя горничная, Кика, и еще какая-то, которую, как и машину, я никогда прежде не видела.

В следующую секунду они заметили меня. На несколько мгновений повисла тишина, а потом Кика затараторила по-испански. Я могла разобрать только обрывки фраз, но этого было достаточно, чтобы понять, что горничная забыла подарок внуку на день рождения, вернулась и обнаружила в доме эту... эту... женщину в дешевом готовом костюме и что мне следует вызвать полицию, потому что женщина не желает уходить.

Не могу описать, какой камень упал с моей души. Вы, видимо, уже догадались, что я вообразила, будто Гордон наверху забавляется с другой женщиной, в нашем доме, в нашей постели, на моих тончайших французских простынях. Но эта серенькая, неприметная женщина не могла быть тайной возлюбленной, по крайней мере, возлюбленной моего мужа.

– Кика, милая, успокойся.

Изящной походкой я подошла к незнакомке и протянула ей руку:

– Я Фредерика Уайер. Чем могу помочь?

Мышка поднялась с махагонового дивана с сиденьем из дамасского шелка, где она обосновалась, и не пожала руки.

Я терялась в догадках, чего же она хочет. Женщина смотрела на меня вызывающе, хотя я и заметила, что она дрожит.

– Меня зовут Джанет Ламберт, – сказала она. – Я беременна от вашего мужа.

Глава вторая

Здесь следует сообщить несколько фактов, дающих представление о моем муже на тот момент, когда я обнаружила мисс Мышку у себя в доме.

Первое. Я его ненавижу. Ай-ай-ай, я забегаю вперед. Это началось позже.

Второе. Его полное имя Гордон Лидикотт Уайер, ему тридцать восемь лет. Он блондин с голубыми глазами, и в нем почти шесть футов роста.

Третье. Он младший из пятерых детей в семье Уайеров. Сначала родились четыре девочки, затем появился Гордон, словно миссис и мистер Уайер исполняли свой супружеский долг, пока не родился мальчик, и бросили это занятие, как только мистер Уайер доказал, что способен произвести на свет потомка мужского пола.

Четвертое. Гордон – самый привлекательный в семье Уайеров, намного симпатичнее, чем его сестры, не говоря уже о том, что он не похож ни на кого из них. Золотой блондин среди тусклых шатенов всего остального клана. Кое-кто в городе поговаривает, что его отец действительно оказался не способен произвести на свет сына, так что супругам пришлось воспользоваться посторонней помощью. Отец Гордона опасался, что жена может приносить ему только девочек, а он так отчаянно нуждался в наследнике для доказательства сво-

ей мужественности.

Пятое. Родители Гордона все еще живут в том самом доме, где он рос, к северу от города. Я так и не поняла, на что они живут, ибо папаша Уайер (бывший судья), сколько я его знаю, не работает. Мамаша Уайер в прошлом была суперволонтером ЛИУК. Она верит в святость дам, надевающих шляпки в церковь по воскресеньям, и такие нерушимые ценности, как оборки в складку на всех постелях и фарфоровые подставки для яиц в каждом приличном доме.

Шестое. Все сестры Гордона разъехались далеко, за исключением Эдит, бывшего волонтера ЛИУК, убежденной старой девы, которая по-прежнему живет с родителями.

Седьмое. Несмотря на то что мы выросли в одном городе, впервые я увидела Гордона, будучи студенткой последнего курса Университета Уиллоу-Крика. Когда мы познакомились, я готовилась к выпускным экзаменам в библиотеке юридического факультета. Он был практикующим адвокатом, проводившим семинары по правонарушениям. Будучи на десять лет старше меня, он, казалось, воплощал все, чего мне не хватало в зеленых юнцах, с которыми я привыкла встречаться. Когда он заявил, что безумно влюблен в меня, мне и в голову не пришло, что он отчаявшийся неудачник. Наоборот, я подумала, что это самый романтичный и честный человек, которого я когда-либо встречала. В самом деле, какой нормальный мужчина не влюбился бы в меня с первого взгляда?

Восьмое. У него блуждающий взгляд, он самый известный ловелас в городе и не стесняется отпускать комплименты хорошеньким женщинам, что делает его самым популярным человеком на общественных мероприятиях Лиги.

Девятое. Гордон знает, что мой отец – настоящий техасец, который убежден в необходимости защищать свою собственность, и пристрелил бы его из двустволки, если бы тот позволил блуждать не только взгляду. Гордон стал большим разочарованием для моей матушки, которая лелеяла надежду, что я выйду замуж за нефтяного магната или наследника поместья. На худой конец, она хотела, чтобы мой муж имел достаточно своих денег, чтобы ему не надо было тратить мои.

Десятое. Так как Гордон-младший единственный сын, к тому же самый симпатичный в семье, он был избалован матерью и сестрами, испорчен отцом, но сам себя всегда считал безупречным. Однако следует признать, что у него хватает ума опасаться моего отца и очень бояться моей матери.

Одиннадцатое. Мой муж хотел бы быть Самым Важным Человеком в городе, но ему это не удалось, так как наши деньги на самом деле принадлежат мне, и все об этом знают. В целом, единственной причиной, из-за которой мне иногда приходится бороться за внимание представителей лучшей половины Уиллоу-Крика, является мой муж.

Принимая во внимание все, что я знала о Гордоне Уайере и мире, в котором мы жили, я не особенно взволновалась, столкнувшись нос к носу с этой женщиной. Удивлена ее за-

явлением – да. Встревожена – нет, потому что я не верила ни одному ее слову. Мою уверенность подкрепляли строгая красота холла, мозаичный потолок и уходящие ввысь стены.

Если бы у нее была хорошая прическа, шикарная одежда или что-нибудь, указывающее на то, что она не из тех, кто всего лишь сводит концы с концами, я бы, возможно, почувствовала некоторую неуверенность. Меня очень бы задело чье-либо заявление о деликатном положении, в котором я оказалась предположительно по вине моего мужа, так как сама я в этот момент собиралась сделать тест на беременность. Но я знала, что все это не могло быть правдой, потому что богатые есть богатые, и мы знаем, кто нам ровня, знаем, какие люди в принципе могут быть допущены в наш элитарный круг. Эта женщина была не из нашего с Гордоном мира и даже никогда не могла бы стать его частью.

Откуда была эта уверенность?

Существует три варианта того, как может выглядеть обеспеченный человек.

Первый вариант: элегантная одежда, сшитая из дорогой ткани, одежда, которая всегда узнаваема. Например, трикотаж от «Сент-Джон» – консервативный, но весьма стильный, в нем любая тexasская женщина будет выглядеть отлично. (Одобрено ЛИУК.)

Второй вариант: одежда высокого качества, заношенная настолько, что посторонний может принять ее за дешевую. К примеру, вещи из пендлтонской шерсти, купленные десять

лет назад, или брюки из зеленой шотландки и яркие желтые рубашки, в которых играют в гольф богатые стариканы. (Одобрено ЛИУК.)

Третий вариант: дорогая кричащая безвкусная одежда. Таковую любят европейцы и латиносы, нацепляющие на себя все, что в перьях, сборках, цвета вырви глаз (не одобряется ЛИУК, но вполне в духе женщины из восточного Техаса, которая делает покупки в «Сэк о'Садс», нацепив на себя усеянный фальшивыми бриллиантами костюм.)

Мисс Мышка в своем синтетическом костюме, сияющих туфлях из кожзама и с неопишуемой прической не попадала ни в одну из этих одобренных и даже неодобренных категорий. Дешевая, ужасающе безвкусная одежда однозначно отправляла ее в категорию НС с пометкой «Нет денег». (Очень не одобряется ЛИУК.)

Посвященным достаточно одного взгляда, чтобы увидеть разницу. Мой муж знал это и был неисправимым снобом.

Не стоит говорить, как выглядела эта женщина, приросшая к моему белому мраморному полу. Ее силуэт вписывался в арку, которая вела из холла в гостиную, резко выбиваясь из окружения своей НС-ностью.

Пытаясь разобраться в ситуации, я перевела взгляд на зелень и деревья, виднеющиеся за окнами от пола до сводчатого потолка в моей Большой комнате. «Ивы» были окружены живой изгородью, которая огибала территорию, как ярко-зеленый крепостной вал, отделяя нас от прочих. По крайней

мере, так было до тех пор, пока Говард Граут при помощи своих грязных денег не получил сюда доступ.

Но в данный момент меня интересовал не Говард Граут, а мисс Мышка. Стоя перед уставившейся на меня женщиной, я испытывала уверенность в том, что Гордон любит меня и ту жизнь, которую мы с ним построили, а не эту незнакомку.

– Кика, – сказала я со свойственным мне спокойствием, – вызови охрану.

Несомненно, она бы так и поступила, потому что ненавидела Гордона так же сильно, как он ее. Мой муж уволил бы ее давным-давно, при первой возможности. Но она была скорее няней, чем горничной, находилась при мне всю мою жизнь, с самого рождения – моя мать была слишком занята своими добрыми делами в Лиге избранных. Кика была как фамильное серебро, передающееся из поколения в поколение, и переехала в этот дом, когда я вышла замуж. Она знала обо мне и моей жизни больше, чем мой муж и мать.

С сумочкой, раскачивающейся на запястье, Кика направилась к телефону, но не дошла до него, потому что именно в этот момент в комнату через западный холл, ведущий в кухню, вошел Гордон; он явно проехал напрямик в гараж, чтобы поставить машину. Он что-то напевал, как человек, которому не о чем беспокоиться. Увидев меня, он замолчал.

– Фред! – выдавил он. Его улыбка исчезла. – Что ты здесь делаешь?

Прежде чем я успела ответить, он увидел нашу гостью.

Я слышала выражение «смертельно бледный», но не знала, как это выглядит. Он буквально посерел. Увидев эту тетку, он явно испытал шок.

Уверенность, которую я чувствовала минуту назад, куда-то исчезла.

– Джанет! – воскликнул он.

Полный крах. Они знакомы.

Ее имя эхом отскочило от наших мраморных стен и отдавалось дрожью в моем позвоночнике.

– Что ты здесь делаешь? – На этот раз Гордон обратился к ней.

Она выпрямилась и посмотрела ему в глаза:

– Ты не отвечал на мои звонки всю неделю. Нам надо поговорить.

Пот выступил на лбу Гордона (полагаю, он подумал о моем отце и его двустволке). Он провел рукой по волосам с таким остервенением, что его голова стала похожа на свежеспаханное поле, с бороздами, готовыми принять семена.

– Действительно, – добавила я. – Нам нужно поговорить.

Мисс... – вопросительно взглянула на нее.

– Ламберт, – подсказала Кика и улыбнулась мне.

– Мисс Ламберт говорит, что она от тебя беременна, – сказала я без излишних прелюдий.

Похоже, Гордон испытал очередной, еще более глубокий шок.

Я уже упоминала о том, что мой муж юрист. Однако юрис-

пруденцией он не занимается. Он предпочитает гольф, теннис и спорт пять раз в неделю, и когда его нет в загородном клубе, или на теннисном корте, или в бассейне, он находится в отдаленных уголках мира, подходящих для экстремального спорта. Прыгает с вертолета, чтобы съехать на лыжах с неприступной горной вершины. Карабкается по голым скалистым утесам. Покоряет Гималаи. Совершает глубоководные погружения. Если есть возможность сделать что-либо опасное, он делает это. Или уверяет, что делает, пропадая целыми неделями и находясь вне зоны досягаемости. Теперь моей уверенности в том, что он говорит правду, поубавилось.

Казалось, мой муж не мог сдвинуться с места. Джанет Ламберт сделала шаг вперед.

– Горди, – сказала она с мягкой интимной интонацией, как укол пронзившей меня. – У меня... у нас будет ребенок.

Это напоминало текст из мексиканского телесериала. У меня потемнело в глазах.

– Это ложь! —сказал мне Гордон, прежде чем повернуться к мисс Ламберт. – Ты не могла забеременеть. Клянусь. Это невозможно. Мне сделали вазэктомию десять лет назад.

Удары следовали один за другим.

Наступила тишина, а потом вдруг голоса грянули одновременно. Все перекрикивали друг друга, жестикулировали, визжали – все, кроме меня. Со мной такого не бывает.

Кика, наоборот, профессионал по части истерик. Мисс

Мышка, несмотря на свой костюм, как у бухгалтерши, а они, как известно, люди спокойные, готова была заорать. Вероятно, она намеревалась вытянуть из нас деньги.

Был еще мой муж, весь такой блондинисто-голубоглазый симпатяга, до которого наконец дошло, что он только что сказал.

– Вазэктомию? – произнесла я. Щеки у меня горели, а желудок бунтовал, но к утренней тошноте это не имело отношения.

Мне хотелось завопить, но это развенчало бы образ Снежной Королевы, который я так усердно создавала. Казалось, в эти минуты исчезла женщина, которую я воспитывала в себе многие годы, – женщина, с которой приходится считаться. Этого нельзя было допустить. Больше я не теряю контроль под наплывом чувств.

– Фреди, – сказал Гордон, бросаясь ко мне. Как я уже говорила, он никогда не зовет меня Фреди – за исключением тех случаев, когда у него неприятности.

– Что это значит – вазэктомию? – спросила Джанет, хотя меня это тоже интересовало.

Кика как пулемет трещала по-испански, продолжая не слишком лестно отзываться о нашей неожиданной гостье и моем муже. Мисс Мышку это не смущало, а может, она не понимала, что ее клянут на чем свет стоит. Что касается моего мужа, то он никогда не слушал Кику.

– Ты говорил, что любишь меня! – сказала эта Минни². – Ты говорил, что разведешься с женой и женишься на мне! Ты мне это обещал! – добавила она, жестом обводя мой дом.

Вновь вернулось ощущение замедленной съемки, и я уставилась в пространство между мужем и этой женщиной. Действительно ли он говорил все это всерьез?

По его лицу ничего нельзя было понять, но я знала, что он в панике. Боюсь повториться, но мы жили на мои деньги, и он подписал брачный контракт. Я упоминала, что у Гордона очень дорогие пристрастия? Сомневаюсь, что мисс Ламберт сможет предложить ему что-либо подобное. Ее денег явно было недостаточно, чтобы мой муж мог сохранить привычный образ жизни.

– Фреди, – сказал он, – выслушай меня. Я едва знаю эту женщину. Я не понимаю, о чем она говорит.

Минни издавала клопочущие звуки, пока они не сложились в слово.

– Лжец! —ее всю трясло. – Ты знаешь меня так же хорошо, как я тебя, как я знаю про твою шикарную жену и ее кучу денег. – Она перевела взгляд на меня. – Каждую среду после полудня в течение последних трех месяцев я занималась любовью с твоим мужем в твоей роскошной постели!

Этой женщине явно следовало брать уроки этикета. Она не в курсе, что обсуждать личные дела можно только с врачом, адвокатом и священником.

² Минни – подружка Микки-Мауса из диснеевского мультлика.

– Мисс Ламберт, я предлагаю вам покинуть дом, пока вас не арестовали за вторжение в частное владение.

Джанет прищурилась, улыбнулась и вдруг извлекла ключ. От моего дома! Ничто не могло бы изумить меня сильнее.

– Вряд ли кто-то арестует меня, если мне были даны ключ и разрешение входить. Охранник подтвердит.

Речь шла о списке, который хранился на пункте охраны, с именами всех гостей, кому можно войти без предварительного звонка. У каждого жителя «Ив» был собственный список.

Я вспомнила удивление Хуана (и ужас – ведь именно я выписываю ему премиальные в конце года), когда я неожиданно подъехала к воротам в среду до обеда, и это заставило меня поверить, что мисс Ламберт не лжет. На самом деле, достаточно было взглянуть на Гордона, чтобы убедиться в этом.

Знаю, звучит мелодраматично, но я почувствовала, что мой мир рушится. Я теребила нитку жемчуга на шее и чувствовала, как все летит в тартарары. Мой муж крутил или все еще продолжает крутить роман с женщиной, которая даже и близко не может со мной сравниться.

Что все это значит?

Я не знала разгадки и не хотела сейчас об этом думать. Всегда есть завтра.

– Вон! – сказала я сдержанно, но решительно, не роняя достоинства.

К счастью, все были скованы исходящим от меня холодом. Снежная Королева не совсем растаяла.

– Фреди, – попытался вмешаться Гордон, повернувшись ко мне.

– Я сказала – вон!

У этой Джанет был протестующий вид, будто она и не собиралась уходить. Но тут уж Кика позаботилась. Она направилась к гостю; испанские ругательства рикошетом отлетали от стен. Джанет отскочила в сторону, когда Кика с размаху ударила ее сумочкой.

Гордон не вступился за свою возлюбленную, и она драматично вздохнула:

– Я знаю, что ты любишь меня. Знаю, что мы это преодолеем.

С этими словами она удалилась. Мисс Мышка, оказывается, обладала гораздо большим драматическим талантом, чем можно было ожидать.

– Фред, – повторил Гордон, пытаясь взять себя в руки. – Мы должны поговорить. Все совсем не так, как ты думаешь.

Манеры настоящей леди были привиты мне с самого рождения, поэтому я не фыркнула, а спокойно направилась к лестнице.

– Не о чем говорить.

По крайней мере, пока я не осмыслю все, что только что произошло.

– Фред. – Больше он ничего не успел сказать, потому что

на этот раз Кика ударила его.

– Эй!

Кика обрушила на него порцию испанских проклятий, и он бросился за мной вверх по лестнице.

– Estupido!³ – бросила ему вслед Кика.

Абсолютно верно. Себя я тоже чувствовала идиоткой. Мало того, что муж изменил мне при обстоятельствах, которые не укладываются в голове.

Дело не в другой женщине, хотя само по себе это ужасно. Но в том, что он скрыл от меня, что когда-то ему сделали вазэктомию.

«Вазэктомия!» – повторяла я про себя, будто это могло что-то изменить.

Я шесть лет из кожи вон лезла, чтобы забеременеть, с его благословения, между прочим, а на деле, если его признание было правдой, у меня не было ни единого шанса.

Пилули, обследования, секс по графику – все было зря. Каждый месяц депрессия, попусту растроченные нервы, чувство, что впервые в жизни я в чем-то терплю неудачу, – а он, оказывается, сделал вазэктомию еще до того, как мы встретились, если верить тому, что он сказал.

Поднявшись на второй этаж, я не спеша пошла по ковровой дорожке, покрывавшей паркетный пол, к спальне. Гордон шел за мной.

– Фред, я не хотел этого, – сказал он.

³ Идиот (*исп.*).

Можете считать меня дурой, но во мне всколыхнулась надежда. Значит, он врал этой женщине?

Но надежда тут же погасла, потому что хоть я и не знала, что он сделал операцию и не мог иметь детей, в глубине души я чувствовала, что что-то не так.

У меня в сумке все еще лежал тест на беременность. Я прошла в спальню, а затем в ванную. Через каких-то две минуты от надежды на беременность не осталось и следа. Выбросив бумажку с одной голубой линией в мусор, я уставилась на свое отражение в зеркале, на светлые волосы с идеальным мелированием, чуть ниже плеч, на зеленые глаза, гладкую кожу. Мой отец всегда называл меня самой красивой девушкой на свете – говорил, что мир принадлежит мне.

Я закрыла глаза и попыталась сохранить хладнокровие, но это оказалось невозможным. Помимо того, происходило кое-что еще, едва уловимое. Я вспоминала все полученные в жизни уроки. Леди никогда не должна потеть, повышать голос, швырять предметы. И, главное, настоящая леди никогда не должна злиться.

А я как раз испытывала злость.

Когда я вышла из ванной, как звезда бродвейского мюзикла, распахнув двустворчатые двери, Гордон подскочил ко мне:

– Фред, то, что я сказал Джанет, неправда.

Я не стала отвечать. Пройдя в его гардеробную, я вытащила чемодан, обратив внимание, что для человека, который

неделями мотается по свету, он в слишком хорошем состоянии. Да, я забыла: леди никогда не использует бранных слов.

Не говоря ни слова, я распахнула его шкаф и стала вытаскивать все, что попадалось под руку. Цветное шелковое белье, носки от известных дизайнеров, аккуратно сложенные сорочки. Как ненормальная, я стала запихивать вещи в сумку.

– Что ты делаешь?

– Собираю твои вещи.

– Фред, – его тон был жестким, будто он хотел запугать меня, – прекрати вести себя как ребенок.

Я веду себя как ребенок?! Возмутительно истерично да. Но как ребенок? Вряд ли.

Я еле сдержалась, чтобы не высказать все, что думала, и то лишь благодаря многолетней практике.

Он попытался отобрать у меня стопку рубашек, но я оттолкнула его.

– Не сходи с ума, – сказал он. – Давай поговорим, как взрослые люди.

Я почувствовала, что волосы у меня встают дыбом, и обернулась к нему:

– Тебе делали вазэктомию или нет?

– Я же сказал, что нет.

– Тогда докажи это. Давай пойдем к врачу прямо сейчас и сделаем тест. Докажи, что ты не лгал мне с первого дня знакомства.

– Я не обязан ничего доказывать. Кроме того, я уже несколько раз проходил обследование, потому что ты не могла забеременеть.

Его лоб прорезали глубокие складки, и он переминался с ноги на ногу.

– Это ты так говорил. Но при этом никогда не позволял мне пойти с тобой на обследование, и я никогда не видела результатов анализов. Каждый раз твой доктор – твой приятель по колледжу – звонил моему доктору и зачитывал данные.

Я задохнулась от своей ярости, такой неподходящей для настоящей леди. Я хрипела и судорожно ловила ртом воздух, пытаюсь вернуть самообладание. Челюсть моя подрагивала, когда я, сжав зубы, пыталась сделать вдох через нос.

– Фред, успокойся.

В том-то и дело. Я не могла. Казалось, из меня выплескивалась ярость, скопившаяся во мне за все эти годы, и когда он отобрал у меня чемодан и стал запихивать его обратно в гардеробную, я сама себя удивила.

– Убирайся, Гордон, – произнесла я дрожащим голосом.

Он остановился и обернулся. Лицо его исказила гримаса.

– Что ты сказала?

– Ты слышал. Убирайся.

Он удивленно поднял бровь и рассмеялся:

– Отлично! Я ухожу. С превеликим удовольствием. Мне давно следовало сделать это.

Я запрокинула голову. Я была готова его убить. Схватила небольшие бронзовые часы, стоящие на тумбочке у кровати, и с воплем швырнула в него. И почувствовала, как пот выступил у меня на лбу, когда я послала вслед ругательства.

Это заставило Гордона остановиться. Ему пришлось отскочить в сторону. Но это его не спасло. Я еще не закончила.

Я подняла фарфоровое блюдо, но заметив, что это фамильная реликвия семьи Хилдебрандов, быстренько водворила его на место и схватила что-то другое, на этот раз подарок от его семьи. От удара о стену предмет разлетелся вдребезги. Я не могла остановиться. Я кричала и кидала все, что не имело для меня большой ценности.

– Ты сошла с ума! – кричал Гордон, уворачиваясь от ударов.

Так и было. Сумасшедшая и злая. Господи, мне было хорошо. И стало еще лучше, когда он наконец выбежал из комнаты, а затем и из дома. Это было замечательно. Я чувствовала себя прекрасно. Более того, я чувствовала себя свободной.

Гордон был мне не пара.

Я достала фотоархив: вырезки из местной газеты, из колонки светской хроники, на которых были изображены мы с Гордоном.

– Кика! – позвала я. – Неси ножницы.

Глава третья

Удалить Гордона из моей жизни оказалось труднее, чем я предполагала.

После короткого совещания с Кикой было решено, что ножницы не подойдут. Десять минут спустя я сидела за своим прекрасным антикварным столом эпохи королевы Анны, склонив в раздумье голову. Газетные фото, на которых Гордон был в центре внимания, испробовали на себе возможности моего новенького ножа «Икс-акто», но я была настроена решительно.

Я добралась уже до третьего года нашего брака, а именно до нашего третьего благотворительного бала, когда гнев, который завел меня так далеко, стал утихать. Хуже всего то, что я начала думать о других вещах – о том, что мой муж не любит меня. Улыбка на его губах, когда он сказал, что давно должен был уйти, говорила о многом.

Как он мог не желать moi – меня, Фреди Уайер, самую красивую женщину, благосклонности которой все добиваются и которой все завидуют? Чего ему не хватало?

Мне не удалось поразмышлять об этом, потому что по телефону стали звонить знакомые с предложениями провести вместе вечер или посетить различные светские мероприятия.

Сидя над кучами изрезанных газетных фотографий Гор-

дона, я почувствовала прилив неутренней тошноты при мысли, что мне придется сказать друзьям, что мой идеальный брак был совсем не таким идеальным. До меня вдруг дошло: в моем мире репутация человека основывается на впечатлении, которое он производит, и редко когда на фактах. Мою жизнь воспринимали как сказку, и это делало ее сказкой, по крайней мере в глазах моих друзей. В тот миг, когда слабость покажет свое безобразное лицо, все пари будут проиграны. Тогда я поняла, что мне нужно осторожно выбирать курс в океане новой жизни, а значит, возможно, вклеить Гордона обратно в альбомы – во всяком случае, на время.

– Ричард, дорогой, – сказала я одному из друзей мужа, когда тот позвонил, – Гордон только что вышел. Он вернется через час или два, но на вечер у нас грандиозные планы, мы поздно вернемся. Я передам, чтобы он перезвонил тебе на днях, о'кей? Так я оказалась в довольно дурацком положении, притворяясь, что мой муж все еще живет в доме, из которого я его выгнала.

На протяжении долгих часов в ту среду я полагала, что он вернется. Кика оставалась со мной почти до вечера. Она кудахтала возле моего письменного стола, без конца приносила чай и не желала уходить. В результате мне пришлось настоять, чтобы она использовала остаток своего выходного.

– Кика, ну хватит. Со мной все в порядке. Пойди навести внука. У него же день рождения.

Она хорошо меня знала. Девяносто девять процентов

времени она притворялась, что не говорит по-английски – несмотря на то, что каждое утро читала «Уиллоу-Крик таймс», сидя за кухонным столом.

Во взрывоопасных ситуациях нам обоим было выгодно делать вид, что мы не понимаем друг друга.

– Bueno, yo voy. – сказала она. – Perro, regreso mañana⁴.

Собирая сумочку и поправляя наряд, она продолжала бормотать, как мне должно быть не по себе, после того как муж так беспардонно предал меня.

Я была благодарна ей за заботу, но сторала от нетерпения, желая остаться в одиночестве.

Всю свою жизнь я жила в волшебной сказке. Я верила, и все сбывалось. Мне даже в голову не приходило, что Гордон не образумится и не вернется. Как такое возможно?

Нетрудно было объяснить, почему я хотела, чтобы он вернулся. Было еще одно слово, которое в нашем кругу лучше не произносить. *Развод*. Вспышка ярости прошла, и я была не готова так просто сдаваться. Пусть он лгал и изменял мне, но я была консервативной порядочной женщиной и предпочитала сохранить брак, а не допустить, чтобы он развалился. А для этого было необходимо, чтобы никто не знал, что мы с Гордоном на какое-то время расстались.

Вот почему, когда на следующий день мой муж так и не появился, я решила сохранить его прискорбное, но несомненное предательство в тайне.

⁴ Хорошо, я уйду (*исп.*). Этот пес вернется завтра (*исп.*).

Я встала, когда еще не рассвело, быстро оделась и сбежала вниз. К счастью, Кика должна вернуться в половине восьмого. У меня был план, и я нуждалась в ее содействии.

Я поспешила в гараж. Было только пять тридцать, когда я выехала на своем «мерседесе» по галерее, которая протянулась от дома к гаражу, и заскользила вниз по подъездной дорожке. Так рано охранника еще не было на посту. Хуан придет в семь. В те часы, когда на пункте охраны никого не было, включалась сигнализация, проведенная в каждый дом в «Ивах». Однако тому, кто хотел выехать, было достаточно приблизиться к воротам, и они открывались, как по волшебству.

Я поравнялась с воротами, и электронный шлагбаум пропустил меня. Уиллоу-Крик – это уважаемый уголок, его извилистые улочки и проезды изящно вписаны в холмистый ландшафт, который составляют ивы, кедры, орешник и дубы, заросшие испанским мхом. Утонченность, свойственная Далласу, сочетается здесь с милым очарованием Остина – во всяком случае, так было до тех пор, пока столицу штата не захлестнул технобум девяностых и многие, опасаясь за свои кошельки, не перекрыли дороги.

Площадь Уиллоу-Крик находится в центре города, загородный клуб – к северу, университет – на востоке, «Ивы» – на западе, а южный район Уиллоу-Крика – за железнодорожными путями. Все остальное, от штаба ЛИУК до Концертного зала, здания муниципального суда и галереи Хилдебранд,

расположено на улицах, проездах и проспектах, которые разбегаются во всех направлениях от главной площади.

Я устремилась за пределы «Ив» и направилась к ближайшему рынку за газетой. Несмотря на то что мой муж вел праздный образ жизни, он придерживался определенного распорядка. Каждое утро он вставал и совершал пробежку, затем останавливался на рынке и покупал два экземпляра местной газеты. Одну он оставлял для Хуана, чтобы тот читал на посту, а свою газету читал дома, сидя в кресле на веранде за чашечкой кофе.

Я спешно направилась в «Ивы», кинула одну газету перед дверью домика охраны, приложила карту-пропуск и пошла к своему прелестному дому. Надо было еще многое успеть, прежде чем придет Кика и я смогу запустить свой план в действие.

По понедельникам и четвергам Гордон играл в теннис на нашем корте, как раз рядом с бассейном. Высокая зеленая изгородь скрывала его фигуру, но свист теннисных мячей был слышен через два дома. Моя соседка Кэрин Крамер, тоже член Лиги, говорила, что по Гордону с его теннисом можно часы сверять.

Я уже сказала, что был как раз четверг?

Как только наступило допустимое для звонка время, я набрала номер партнера Гордона по теннису и наговорила что-то про грипп, постельный режим, следующий четверг и все в таком духе. Он явно только проснулся и был счастлив пе-

ревернуться на другой бок и спать дальше.

В семь двадцать восемь Кика вошла через заднюю дверь. Я уже ждала ее, одетая в белую теннисную форму (свитер был элегантно завязан вокруг плеч), с волосами, забранными в хвост. Она остановилась:

– Мисси Уайер, что вы делаете?

В детстве она звала меня мисси, если была мною недовольна. С тех пор как я повзрослела, она звала меня мисси, когда была рассержена – то есть большую часть времени.

В ответ я протянула ей ярко-оранжевый велюровый спортивный костюм:

– Иди переоденься. Будем играть в теннис.

Я не удивилась, когда она разразилась испанской тирадой, но заставила ее сменить костюм и не уходила до тех пор, пока она не появилась на пороге своей комнаты, ворчащая, похожая на низенькую, толстую, круглую хеллоуинскую тыкву, в неожиданно приличных для горничной туфлях. Не фонтан, но сойдет итак.

Я взяла старые ракетки, которые нашла в кладовке, затем подтолкнула Кику к раздвижным стеклянным дверям веранды, и мы пошли вниз по мощенной плитками лестнице, выходящей через безупречно ухоженный сад, потом мимо бассейна, сияющего чистотой, которую дважды в неделю наводил самый потрясающий чистильщик бассейнов из всех когда-либо виденных мною. (Это вовсе не значит, что у меня были какие-то желания на его счет. Я даже ни разу с ним не

поздоровалась.)

Мы спустились еще на один уступ ниже, к кортам. Я уже установила машину для подачи мячей, которую Гордон использовал с рвением религиозного фаната.

– Что вы делаете? – повторила Кика, бросая на меня сердитый взгляд.

– Я думаю, нам с тобой давно пора поиграть в теннис.

Она несколько раз фыркнула, а потом заявила:

– Вы не хотите, чтобы соседи прознали, что мистера Гордона здесь нет.

Я говорила, что она умна, как министр?

– Кика, это смешно.

Она снова фыркнула:

– Дайте-ка мне эту штуковину.

Она взяла у меня одну из ракеток и заняла позицию на задней линии, как защитник в профессиональном футболе.

– Включайте машину.

Так я и сделала.

Кика взвыла, когда первый мяч угодил ей в плечо. Она выругалась по-испански, а затем начала с шумом отбивать желтые мячи, которые градом сыпались на нее. Возможно, она и отличалась смекалкой, но уж точно не проворством.

– Т-с-с! – сказала я. – Все должно звучать так, будто играют Гордон и Берни Браун.

Кика остановилась и приподняла бровь, как бы говоря: «А я про что?!» К счастью, еще один мяч ударил ее по другому

плечу, и она снова принялась за дело.

После двух дюжин мячей (один из которых угодил ей в лицо, и теперь у Кики под глазом зрел фингал) она, в общем-то, наловчилась, и по окрестностям стал разноситься долгожданный стук теннисных мячей.

Когда мячи в машине кончились, мы взяли по ярко-зеленому чехлу и стали собирать их. Когда мы закончили и перезагрузили машину, Кика улыбнулась мне:

– Твоя очередь, Берни.

Она нажала на кнопку, и мячи полетели в меня, как из пушки.

Я взвизгнула, как раньше Кика. Она на меня зашипела, я ответила ей сердитым взглядом. Когда мячи посыпались чаще, я едва успевала отпрыгивать в сторону. К счастью, в отличие от моей горничной, я когда-то играла в теннис. Я носилась взад-вперед и смачно колотила по мячам.

Кика присвистнула:

– Здорово!

– Ты... ожидала... чего-то... похуже? – спросила я между ударами.

Кике всегда казалось, что мне не мешало бы быть скромнее, и она огласила утренний воздух еще одним безнадежным фырканьем. Она была воспитана в католическом духе и свято верила, что представительницам прекрасного пола следует быть скромными и всячески умалять собственные достоинства. (Она, в общем-то, со своим крепким, приземи-

стым и широким телом и довольно заметными усиками тоже не была идеалом добродетели.)

Когда я закончила, мы попробовали перебрасываться мячом через сетку. Но это было уже чересчур для Кики, поэтому мы решили, что на сегодня хватит.

Я поднялась наверх и приняла душ, потом надела кашемировый свитер с короткими рукавами и заправила его в чудесные брючки цвета слоновой кости. Дополнила туалет ниткой жемчуга и туфлями на низком каблуке. Затем я спустилась вниз. Обычно после игры в теннис Гордон принимал душ, завтракал и шел в офис, который был здесь же, в доме. Очень удачно – мне не надо беспокоиться о том, как заморочить голову какой-нибудь секретарше или офисным служащим. Даже моего воображения на это вряд ли хватило бы.

В выходные предстоит игра в гольф, но Гордон к этому времени наверняка вернется. А если не вернется, то не будет ничего необычного в том, если он снова отправится на поиски приключений – возможно, любовных.

Меня снова обуял гнев, и я до боли сжала кулаки. Только не это.

Нам с Кикой относительно легко удавалось создавать видимость того, что мой муж либо находится дома, но занят, либо только что ушел и вернется только в пятницу вечером.

Раздался звонок в дверь, что само по себе неприятно. Хуан обычно сообщает о любых посетителях. Это мог быть сосед, но раньше соседи никогда не приходили ко мне без

предупреждения. Я предположила, что это кто-то из списка, имеющегося у охраны, о котором упоминала мисс Мышка. Помимо нее в списке состояло несколько друзей и родственников.

«Господи, пожалуйста, только не мои родители».

Бог услышал меня, но тут же надо мной посмеялся.

– Эдит! – воскликнула я с воодушевлением, которого вообще не испытывала, когда открыла дверь и увидела невестку.

Эдит Уайер была старше своего брата и почти такая же высокая. Одевалась она аккуратно и практично: брюки со стрелками, свитера и туфли на низком каблуке. В таком стиле одеваются многие члены Лиги, но на ней все это не смотрелось. Все ее вещи были пастельных тонов и отличались функциональностью, что, может быть, и хорошо для чего-то, но, на мой взгляд, не для одежды. Эдит выглядела тускло и безвкусно.

Она могла бы, тем не менее, быть привлекательной или даже красивой, если бы взяла на себя труд покрасить волосы. Она рано начала седеть, и седина очень портила ее. Эдит была бесцветной блондинкой, и ее волосы становились все более тусклыми, теряя со временем свой цвет. В следующем месяце ей исполнялось сорок два, я знала об этом, потому что моей обязанностью было помнить дни рождения всех друзей и родственников. Гордон лишь подписывал открытки, которые я клала перед ним. Хотя, когда дело касалось его семьи, он лично доставлял купленные мною подарки. Его

мать все еще не подозревала, что каждый год он забывал про ее день рождения.

– Гордон дома? – спросила Эдит вместо приветствия.

– Здравствуй, дорогая. – Я улыбнулась со спокойствием, которого вовсе не ощущала. Эдит всегда искала повод, чтобы выставить меня в невыгодном свете. Она так до конца и не смирилась с тем, что я увела ее драгоценного братца. Но я и не знала, насколько он незавидная добыча.

– Прости, Фреди. Это так невежливо с моей стороны. Все в порядке? – спросила она. – Я волновалась. Слышала, ты рано ушла с собрания в среду.

Странно, но до меня раньше не доходили слухи, что у моего мужа роман, и это при том, что ничто значительное не проходило в Уиллоу-Крике незамеченным. Но Гордон был более чем осторожен, и его личная жизнь тщательно скрывалась от внимания посторонних, поэтому я была уверена, что никто ни о чем не догадывается. Пока. Мне нужно очень постараться, чтобы не стать Предметом Сплетен Номер Один.

– У меня были дела, вот и все.

Эдит окинула взглядом холл:

– Где Гордон? Я звонила, но Кика ведет себя странно и твердит, что он только что вышел. Я звонила ему на мобильный, обзвонила друзей, но никто ничего не знает. – Она пристально посмотрела на меня: – Ты уверена, что все в порядке?

– По-моему, ты слегка преувеличиваешь, сестрица Эдит.

Она терпеть не могла, когда я так ее называла. И это даже мягко сказано, потому что хоть она и вела монашеский образ жизни, милосердия в ней не было ни на грош.

– Эдит, – ответила я, делая акцент на этих словах, – ты же знаешь не хуже меня, что Гордон запланировал поездку. – Это было не так, но раньше он не раз неожиданно уезжал из города.

– Я ничего такого не слышала.

– Уверена, он говорил тебе. Кроме того, он ведь часто уезжает, не сказав никому ни слова.

Она вынуждена была согласиться с моими доводами:

– Когда он планирует вернуться?

– Он вернется... – я лихорадочно думала, – не раньше чем через три-четыре недели.

Она чуть не расплакалась:

– Неужели опять так надолго?

– А в чем, собственно, дело? – спросила я. Раньше с ней такого не было.

Она подумала и в конце концов сказала:

– Несколько счетов, которые обычно оплачивает он, просрочены.

Должно быть, я изменилась в лице.

– Он тратит свои деньги. – Она говорила так, будто оправдывалась.

После шести лет замужества я наконец поняла, почему папаше Уайеру не нужно было работать. Гордон его содержал.

В этом не было ничего плохого. Но мне пришлось прикусить язык и молчать о том, что Гордон и ломаного гроша не зарабатывал. На самом деле счета оплачивала я.

Однако сейчас было не время и не место исследовать очередные неизвестные страницы жизни моего мужа. Все, что мне требовалось, – это чтобы мой мир продолжал вращаться, как всегда. Позже я поняла, что самым мудрым решением было позвонить моему банкиру и заблокировать Гордону доступ к моим счетам, до тех пор пока все не утрясется.

Но сейчас мне надо было избавиться от его сестры.

– Когда свяжусь с ним, передам, что ты заходила.

– Раньше Гордон никогда не задерживал выплаты. Это на него не похоже. – Она изучающе смотрела на меня. – В последнее время он был сам не свой.

Эти слова привлекли мое внимание.

– В каком смысле?

– Ну, во-первых, он стал... невнимательным. Даже немного злым. Ты огорчаешь его?

Не раз сестрица Эдит говорила своему брату, что он еще пожалеет, что женился на испорченной Папенькиной Дочке, как она любила меня называть. Возможно, с ее точки зрения, я не очень старалась исправиться. Если она возмущалась чьим-то душераздирающе розовым свитером, я говорила:

– Может, это была я? Я как раз купила на днях сногшибательный розовый костюмчик с потрясающим меховым во-

ротником.

Она поджимала губы и, в сущности, была права, так как мы обе знали, что ни одна из активисток ЛИУК, которая дорожит своей репутацией, не надела бы что-либо столь вызывающее. Это повторялось каждый раз, но я никогда не могла сдержаться.

– Эдит, дорогая, ты же знаешь, что Гордон любит меня так же сильно, как я его.

Это не могло служить ответом на поставленный вопрос, зато было истинной правдой.

Эдит ушла. Как только дверь за ней закрылась, я кинулась в кабинет, рывком сняла трубку и набрала номер Неда Рида из банка Уиллоу-Крика. Но, вместо того чтобы сразу соединить, его секретарша произнесла слова, которых я никогда не слышала от нее раньше.

Глава четвертая

– Что это значит – занят? – холодно спросила я.

– Ну, он не может ответить на ваш звонок прямо сейчас, миссис Уайер.

Я сказала, что подожду.

– Подождете?

– Да. Скажите Неду, что я не положу трубку, пока не поговорю с ним. А если он не подойдет, я приду в банк, чтобы увидеть его лично.

Вновь последовала пауза, потом наконец Нед взял трубку:

– Фреди! Как поживаешь?

– Прекрасно, Нед.

Мы обменялись любезностями, будто все и в самом деле было прекрасно. Когда наконец все новости иссякли, он спросил:

– Что я могу для тебя сделать?

– Нед, я хочу заблокировать Гордону доступ к моим счетам. На время, конечно, это просто мера предосторожности. Но думаю, что меры принять стоит. Он опять отправился на поиски приключений в дальние страны, и я ужасно беспокоюсь, что у него могут украсть документы, и бог знает что еще... – Я понятия не имела, есть ли в этом хоть какой-то смысл, но надеялась, что этого достаточно, чтобы заморочить банкиру голову.

Казалось, Нед на другом конце провода мучительно подбирает слова.

– Фреди, – наконец выдал он, и голос его мне не понравился. – Я не знаю, как сказать, но у тебя больше нет счетов в нашем банке. Я думал, ты в курсе.

– Что ты имеешь в виду?

– Гордон перевел отсюда все ваши деньги почти месяц назад. Ты сама подписала бумаги.

– Я ничего подобного не подписывала!

Он прикрыл трубку рукой, но все равно было слышно, как он распорядился:

– Абигейл, принесите папку Уайеров.

– Нед, что происходит?

– Тебе надо спросить об этом Гордона. Ты дала ему полномочия...

К ужасу моего отца. И что еще более ужасно, перед моими глазами вдруг встала картина: Гордон подходит и кладет передо мной, на мой стол эпохи королевы Анны, стопку бумаг. Обычно он коротко пояснял, что представляет собой каждая из них, и я подписывала не читая. Так было проще. Мне было некогда – я занималась благотворительностью в Лиге.

– Фреди, все твои счета закрыты. Я не знаю, что еще сказать тебе.

У меня горело лицо, потому что в глубине души я понимала, что он говорит правду. Мои деньги можно считать без вести пропавшими.

Я положила трубку, понимая, что, пока я пребывала в блаженном неведении, муж мог украсть у меня все до последнего цента. Теперь о сохранении брака не могло быть и речи. Я могу смириться с ложью. Закрывать глаза на измену. Но я никому не позволю обокрасть меня и уйти безнаказанным.

Пока я набирала номер нашего юриста Джима Бутона, сердце выпрыгивало у меня из груди.

– О, миссис Уайер, здравствуйте, – приветствовала меня секретарша. – Сейчас я вас соединю.

Через минуту девушка произнесла:

– Простите. Оказывается, он только что вышел, а я не заметила.

Ладони у меня вспотели. Не желая сдаваться, я перезвонила.

– О, миссис Уайер, я же сказала, что мистера Бутона нет.

Я перезванивала и перезванивала, и наконец секретарша поняла, что я не оставлю ее в покое. Тон ее изменился – стал надменным.

– Пожалуйста, подождите, миссис Уайер. Я пойду посмотрю, на месте ли он.

Казалось, прошла целая вечность. Наконец раздался щелчок, и я услышала полный оптимизма голос Джима Бутона, как будто он не избегал разговора со мной в течение двух часов:

– Фреди! Как поживаешь?

– Я развожусь с Гордоном, и мне нужно, чтобы ты под-

готовил все необходимые документы, чтобы повернуть это побыстрее.

Я услышала, как заскрипел его стул, когда он со вздохом откинулся на спинку:

– Что ж. Черт, жаль, что до этого дошло.

Когда я поняла, что он несколько не удивлен, как будто был в курсе наших дел, мне стало плохо.

– Фреди, мне бы хотелось помочь тебе, но... – Стул скрипнул еще раз.

– Что «но», Джим? – Снежная Королева была на высоте.

Он снова нервно вздохнул, затем сказал:

– Послушай, ты знаешь, что мы с Гордоном вместе учились в университете и потом в адвокатуре вместе проходили стажировку. При всем своем желании, Фреди, я не могу представлять твои интересы. Моя фирма уже является представителем Гордона во всех его делах. Возникнет конфликт интересов. Ну, ты понимаешь.

Если честно, я ничего не понимала, хотя это непонимание никак не касалось конфликта интересов. В эту самую секунду я осознала, что почти у каждого юриста в городе были те или иные дела с Гордоном (и, скорее всего, тогда, когда он вел мои дела) или с кем-нибудь из его семьи. Все это усугублялось тем обстоятельством, что папаша Уайер когда-то был судьей.

У меня потемнело в глазах.

– Фреди, найди себе хорошего юриста. – Джим колебал-

ся. – Мне очень жаль. Правда.

Едва я повесила трубку, телефон зазвонил, и я подскочила. Я схватила трубку:

– Гордон?

– Нет, Фредерика, это твоя мать.

Моя мама никогда не говорит вещей вроде «Привет, дорогая» или «Это я». Такой простой язык ниже ее достоинства.

– Здравствуй, мама.

– Я слышу по твоему голосу, что что-то случилось.

– Ничего не случилось.

– Тогда почему ты решила, что это Гордон? – спросила она, но не стала дожидаться ответа. – Что он натворил? Я всегда говорила, что он нехороший человек.

Говорила, и много раз.

– Турмонд, – позвала она. – У твоей дочери какие-то неприятности. Несомненно, это связано с Гордоном.

Блайт Хилдебранд была миниатюрной женщиной, всего пяти футов ростом, и даже если ее, как губку, пропитать водой, она вряд ли стала бы весить более ста фунтов, но она могла нагнать страху на человека в два раза крупнее ее. Гордон боялся ее, как чумы.

– Неприятности? – услышала я приглушенный ответ моего отца, затем он снял трубку параллельного телефона. – Что этот сукин сын сделал моей малышке?

Рядом с миниатюрной мамой отец казался огромным, как медведь, а от его голоса лопались барабанные перепонки.

Есть различные типы техасцев. Один из наиболее распространенных – это мужчина, который говорит как неграмотный, выживший из ума мужлан. Вспомните хотя бы Джорджа Буша или Росса Перота, разглагольствующих в духе: «Если ты лежишь в духовку ботинки, не стоит ждать, что получится грудинка». Однако пока у него есть деньги и общественное положение, невежество не является недостатком... с маленькой оговоркой: он должен происходить из старого уважаемого семейства или, по крайней мере, быть основателем такового.

Мой папочка был одним из самых замечательных представителей этой породы и источал безумие высшей пробы – помните, я говорила о двустволке и о том, что Гордон его очень боялся? Хотя теперь стало ясно, что он недостаточно глубоко прочувствовал опасность.

– Я пристрелю этого подонка, если он тронул хоть волосок на твоей голове.

Может, Гордон забыл, что я Папина Дочка?

– Турмонд, прекрати кричать. Пусть Фредерика расскажет, что он сделал на этот раз.

Думаю, не стоит добавлять, что я не Мамина Дочка.

Между мной и матерью всегда было некоторое соперничество за внимание отца, и чаще побеждала я. Уверена, что именно по этой причине мать снисходительно считала, что я не могу разобраться с собственной жизнью. Она твердила, что я получаю все на блюдечке с голубой каемочкой, и

так оно и было. Тем не менее я упорно отказывалась верить, что мои способности именно такие, как о них говорит мама (несмотря на то, что по легкомыслию лишилась всех своих денег). Но если бы я произнесла хоть слово о своих проблемах, началось бы такое... Попрекам не было бы конца. Кроме того, папочка, всадив в Гордона добрый фунт дробин, рискует провести остаток жизни в тюрьме.

Я решила не вводить их в курс дела.

– Мама, правда, все хорошо. Просто прекрасно! – добавила я для убедительности. – Сегодня у меня чудесный день.

Я почти слышала, как в ее голове шевелятся мысли, одна страшнее другой.

– Ты уверена? – спросил отец.

– Да, папочка. Все замечательно.

Само собой, стоит мне сказать хоть слово, отец не только найдет Гордона, но и наймет лучшего юриста во всем Техасе и заставит моего пустившегося в бега мужа за все ответить. Ради этого можно было бы не обращать внимания на разочарование матери, на ярлык неудачницы, который будет висеть на мне до конца жизни. Но, надо сказать, то, что запасы нефти в скважинах моего отца скоро иссякнут, а цены на скот значительно снизились, было не самой страшной тайной из открывшихся мне недавно.

Конечно, мои родители ничего мне не рассказывали. Но я знала об этом, потому что Гордон следил за их делами и информировал меня. В то время я была благодарна ему за то,

что он инвестировал средства в различные компании, чтобы укрепить мой трастовый капитал. Кто тогда мог подумать, что он перекачивал мои деньги неизвестно куда?

Не знаю уж, надолго ли удача отвернулась от моих родителей, но я не собиралась добавлять им проблем.

– Ладно, если ты так уверена, – сказала моя мать.

– Да.

– Значит, ты придешь на обед в воскресенье? С Гордоном?

Да, ну и дела.

– Конечно, приду, но без Гордона. Он опять путешествует. Обещал вернуться не ранее чем через три-четыре недели. – Я придерживалась этой версии.

Моя утонченная мать фыркнула, что было весьма странно. В последнее время я стала замечать, что все манеры и нормы поведения, которые она вдолбила в меня и которым сама неукоснительно следовала, были слегка подзабыты, – как будто ей стало казаться, что жизнь слишком коротка, чтобы терять время на подобные игры. Это было бы замечательно, но в минуты, когда я выходила за рамки, она моментально тыкала меня носом в мои ошибки.

– Что ж, хотя бы ты придешь, – сказала мама. – Я просто хотела уточнить. Будет любимое блюдо твоего отца – жареные ребрышки с картофелем и сливочным пюре из шпината.

– Ты уверена, что у тебя все в порядке? – продолжал настаивать отец.

– Папочка, все прекрасно. Правда. – Я твердо решила заставить родителей поверить в это.

Закончив разговор, я взяла телефонный справочник и стала искать адрес Джанет Ламберт. Единственно разумным в данной ситуации казалось встретиться с этой женщиной и выяснить, что к чему. Но ее имя в справочнике не значилось.

Наконец я нашла ее через торговлю по каталогам, в соседнем городе. Я боялась, что она бросит трубку, услышав мой голос, поэтому отправилась прямо в бедный район Твин-Риверса, штат Техас. Когда я приехала, свет в окнах не горел и машины у дома не было.

Едва я подошла к двери, из окна высунула голову соседка.

– Джанет здесь нет, дорогуша, – закричала она с сильным техасским акцентом. – Она уехала из города со своим бойфрендом.

– С бойфрендом? – Я с трудом выговаривала слова.

– Да, с каким-то Гордоном.

Я сразу задалась двумя вопросами: простил ли мой муж свою возлюбленную за то, что она беременна и, скорее всего, вовсе не от него, или же она, как и я, заблуждается насчет своей беременности?

Хотя все это не имело значения. Если он действительно уехал с этой женщиной, значит, они многое друг другу простили.

Мышкина соседка смерила меня неодобрительным взглядом:

– Вы не похожи ни на одну из подруг Джанет.

Должно быть, меня выдал недостаток синтетики в одежде.

Но мне было наплевать. Я думала только о том, как скрыть эту новость от друзей.

Оставалось только поехать домой, забраться в постель и заставить себя думать, что все это – лишь дурной сон.

Следующие несколько дней я не позволяла Хуану пропускать кого-либо в дом и не подходила к телефону. Я велела Кике говорить всем, кто интересовался Гордоном, что он на три-четыре недели уехал в Новую Гвинею. У меня не было сомнений в том, что там найдется масса возможностей для экстремального спорта и, что еще важнее, там вполне могла не работать телефонная связь.

В воскресенье я обедала у родителей, и мне пришлось пустить в ход весь свой артистический талант.

В среду, через неделю после всех злополучных событий, позвонила Пилар. Я не подошла к телефону. Кика клялась, что та была взволнована. Конечно, она была взволнована – я же пропустила в то утро собрание Комитета по новым проектам, чем дала понять, что ей действительно придется выполнять и свою, и мою работу. Это научит ее больше не сомневаться в моих способностях, тем более публично.

Как это ни ужасно, но я не вылезала из старой пижамы, которая осталась еще со времен колледжа, едва прикасалась к воде и мылу и подумывала о том, не выброситься ли из окна. Это могло бы решить проблему, если бы я жила в много-

этажке. Но мой дом состоял всего из двух этажей, и вряд ли мне грозило что-нибудь серьезнее перелома руки. В общем, эффектного прыжка не получится.

С того дня как я обнаружила мисс Мышку у себя в холле, я пропустила не только собрание Комитета по новым проектам и ежемесячное общее собрание, но еще и свою еженедельную волонтерскую работу. Вместо этого я сидела в постели с «Желтыми страницами» в руках и подыскивала себе адвоката, ломая голову над тем, кто может успешно представлять меня, принимая во внимание то обстоятельство, что мой муж и его отец водят дружбу практически со всеми юристами в городе. Я дошла до буквы «Г» – и тут мои брови удивленно поползли вверх.

– Говард Граут, адвокат, – прочла я почти вслух.

Я повернулась к окну и попыталась разглядеть сквозь пышную листву деревьев роскошный, как дворец, дом соседа, потом встала и подошла ближе к окну, чтобы было лучше видно.

Говард Граут. Мой сосед.

Он был тем юристом, который не знал никого из семьи моего мужа, и я была готова поспорить, что его, одного из немногих в городе, не испугает имя Уайеров. После того как он поселился в «Ивах», несмотря на протесты всех соседей во главе с моим мужем, вряд ли его можно было чем-либо запугать. Возможно, он не прочь будет отыграться.

Я отвергала мысль о том, что он может отыграться и на

мне, потому что не сомневалась, что смогу очаровать его. Надо, конечно, не увлекаться и не пускать в ход все мое очарование – от такого типа всего можно ожидать. Но, так или иначе, этот человек мог помочь мне отомстить, и он был нужен мне любой ценой.

Воодушевленная, я впервые после воскресного обеда у родителей приняла ванну. Прибежала Кика, вероятно, решившая, что я собираюсь утопиться. Обнаружив, что я всего лишь принимаю ванну с огромным количеством пены, она удовлетворенно кивнула:

– Наконец-то!

– Кика, дорогая, приготовь мне одежду. Существуют неписанные правила, как должна выглядеть приличная техасская женщина, выходя из дому, и эти правила необходимо соблюдать. Макияж всегда должен быть безупречен – неважно, идешь ты в спортзал, за продуктами или на званый ужин. Одежда должна быть неброской и элегантной. Не стоит выходить из дому в спортивной одежде, даже в дорогой, за исключением случаев, когда направляешься в загородный клуб играть в гольф или теннис. Никакого декольте, разве что идешь на прием в вечерних платьях, но и тут нужно знать меру. Никаких голых животов. Короткие брючки хороши только для старшеклассниц из бедных семей.

– Достань кремовые брюки со стрелкой, – командовала я из-под хлопьев пены. – К ним кремовую шелковую блузку и кашемировый кофейный свитер – накинуть на плечи. И

лодочки от Феррагамо цвета слоновой кости с накладными бантами. – Впервые за долгое время я вновь почувствовала себя блистательной. – Мне нужно нанести визит, и я хочу выглядеть на все сто.

Глава пятая

Кика сварливо выражала свою радость по поводу того, что я наконец выхожу из дому. Она считала, что солнце и свежий воздух пойдут мне на пользу. Я прилагала массу усилий, чтобы уберечь кожу от жгучего тexasского солнца. Сейчас, конечно, не время было об этом вспоминать – слишком много в последнее время я играла в теннис на открытом воздухе.

Когда я вылезла из ванны, причесалась и сделала маникюр, моя комната уже сияла чистотой, постель была заправлена, а одежда разложена на чудесном пуховом одеяле, которое я получила из Франции две недели назад после трехмесячного ожидания.

Я разглядывала лежащую на кровати одежду пастельных тонов, и вдруг меня посетила новая мысль. Нейтральные тона, вероятно, не произведут впечатления на человека, про которого говорят, что он носит больше золота, чем Анна Николь Смит, – пример НС, ОС и «Джоли».

Новый план действий созрел в секунду. Я прошла в гардеробную и сняла жемчуг. Горничная посмотрела на меня с недоверием, так как я всегда ношу днем жемчуг. Еще более уныло она восприняла светло-голубое шифоновое платье, которое, несмотря на скромный закрытый ворот, выгодно подчеркивало фигуру, что было абсолютно неуместно в одиннадцать часов утра.

– Что такое вы делаете, мисси Уайер? – сказала она по-испански.

– Собираюсь нанять себе юриста, милая.

– Что это еще за юрист, для которого нужно так разодеться?

Я улыбнулась:

– Такой, который заставит Гордона пожалеть, что он не играл в теннис по средам, как уверял меня.

Кика была недовольна, но она знала, как сладка месть.

Она убрала приготовленную ранее одежду и помогла мне облачиться в голубой шифон. Я добавила чулки телесного цвета, слегка блестящие (ай-ай-ай), туфли цвета слоновой кости, довольно эротичные, несмотря на то что каблук был высотой не более дюйма, и широкополую соломенную шляпу, украшенную ниспадавшим на спину шифоновым шарфом с голубовато-белым цветочным рисунком.

Я попросила Кику положить в корзинку свежую выпечку. Она вопросительно посмотрела на меня – кто носит кексы в офис юриста? – но от комментариев воздержалась. Ее стоическое терпение лопнуло лишь тогда, когда я проговорила, что иду с визитом не просто к юристу, а к нашему соседу. Она набрала в легкие побольше воздуха и снова затараторила по-испански. Не буду повторять, чего я наслушалась. Достаточно сказать, что кто-нибудь менее стойкий сник бы под ее чудовищным напором. Я же пропустила все мимо ушей.

Повесив на руку корзинку, как какая-нибудь техасская

красотка, отправляющаяся на воскресный пикник, под невообразимо голубым небом я дошла до гаража, села в машину, пристегнула ремень, поправила зеркала и поехала вниз по длинной подъездной дороге. Свернула налево, миновала одно поместье, а затем снова направилась вверх, к воротам соседа.

Впервые я увидела его дом вблизи. Господи, какая же это была безвкусица. Пальмы, привезенные невесть откуда. Позолоченный купол, такой большой, что, когда на него падал солнечный свет, он, должно быть, сбивал с курса спутники. Если вы живете в центральном Техасе и регулярно получаете неверные прогнозы погоды, вините в этом недвижимость Говарда Граута.

Я вышла из машины и направилась к парадной двери. Насколько я поняла, Говард Граут работал в своем домашнем офисе. Большинство юристов в городе требовали, чтобы клиент предварительно звонил и договаривался о встрече, но Говард Граут, по-видимому, был не из их числа. Говорили, что у него своя манера вести дела, и, судя по всему, так оно и есть. Ходили слухи, что у него столько денег, что он может позволить себе выбирать клиентов из целого списка людей, мечтающих, чтобы он уделил им хоть час своего времени.

Не то чтобы это беспокоило меня. В конце концов, я ведь Фредди Уайер. Было бы хорошо, если бы они с женой оказались дома. Я собиралась произнести приветственную речь, ничуть не сомневаясь, что он будет очень польщен и не за-

метит, что я опоздала года на два. Далее я как-нибудь высижу с ними необходимое для светского визита время, какими бы жлобами они ни оказались. Я ослеплю их своим шармом и хорошими манерами, а потом скажу как бы невзначай: «Кстати, мистер Граут, мне очень нужна консультация юриста. Вы можете мне кого-нибудь порекомендовать?»

Конечно, он будет из кожи вон лезть, желая заполучить такую клиентку, и я снисходительно возложу эту почетную обязанность на него. Вы же понимаете, что я окажу ему любовь.

Очень довольная своим планом, я позвонила в дверь. Мне пришлось немного подождать, прежде чем из дома послышался голос:

– Куда, черт возьми, все подевались?

Жуткий тexasский акцент, без намека на светскость.

Акценты в Техасе можно услышать самые разнообразные, от едва различимого до сладко-певучего. Между ними располагаются режущие слух вариации. Тот, что доносился из-за двери, был родом из Аппалачей.

Я уже подумала, не поискать ли еще кого-нибудь в «Желтых страницах», и в эту секунду дверь распахнулась. Я разинула рот да так и застыла на месте, не в силах произнести ни звука.

Человек, открывший дверь, выглядел помятым. Всклопоченные жесткие рыжевато-каштановые волосы, искаженное нетерпением лицо. Выцветшие джинсы, заправленные в жут-

кие ковбойские сапоги, как будто он только что слез с мустанга, которого объезжал у себя в коррале. Однако я знала наверняка, что у него нет ни корраля, ни лошадей по крайней мере позади дома, – в «Ивах» подобные вещи запрещены.

Но это еще не самое отвратительное. Он оказался коротышкой с заросшей волосами обнаженной – да, обнаженной! – грудью. Не могу припомнить, когда я последний раз видела по пояс голого мужчину при свете дня. Показываться на людях в таком виде могут лишь самые отбросы НС, юнцы в бассейне загородного клуба Уиллоу-Крика да еще... чистильщик моего бассейна.

Если бы я не знала наверняка, что этот человек выиграл в суде огромное количество абсолютно безнадежных дел, я бы никогда не поверила, что он на это способен.

Тем временем его нетерпение испарилось. Рассматривая меня, он провел своей огромной лапой по груди и смачно шлепнул себя по круглому пузу:

– Не может быть! К нам пожаловала Фреди Уайер?!

Мои фотографии и в самом деле часто появлялись в местной газете – гораздо чаще, чем хотелось бы моей матери. Неизменно прекрасно одетая, светская, в окружении благодетельствованных мною нуждающихся. Многие женщины в городе мечтали быть похожими на меня.

Я не обратила внимания на его фамильярное обращение – Фреди я была только для друзей – и улыбнулась:

– Здравствуйте, мистер Граут. Я пришла, чтобы попри-

ветствовать вас и вашу жену в наших «Ивах», – и протянула корзинку.

Он не шевельнулся.

– Ты не опоздала на пару лет, дорогуша? – Он прищурился.

Определенно, Говард Граут был не из моего мира. В нашем кругу не принято говорить все, что думаешь.

Прежде чем я успела придумать подобающий ответ, он рассмеялся. Его громогласный смех эхом раскатился по холлу, который показался мне самым большим из всех, какие я когда-либо видела. Огромное помещение было заполнено безвкусными дорогими безделушками и сияло золотом, как пиратская сокровищница.

Он протянул руку и взял корзинку:

– Вот ведь как, Фреди. Рад, что ты заглянула. Лучше поздно, чем никогда, верно?

Он взял корзинку под мышку, и знаменитый Кикин кекс с черникой и сливками оказался раздавленным его мощным телом. Очень сомневаюсь, что мне захочется еще когда-нибудь в жизни отведать это лакомство.

– Проходи, дорогуша.

Мне совсем не хотелось.

Я вспомнила Гордона, умоляющего простить его, а также о том, что этот НС – юрист, который может помочь мне отомстить.

– О, благодарю вас, мистер Граут.

– Зови меня Говард.

– Спасибо, Говард.

Он опять засмеялся и вошел в дом, не пропустив меня в дверь и даже не пригласив жестом последовать за ним. Хотя, если честно, уж лучше плохие манеры, чем прикосновения этого мужлана, пусть даже галантное предложение руки даме, чтобы помочь ей войти в дом.

Не зная, как себя вести, я вошла в дом и, не увидев никакой прислуги, прикрыла дверь сама. Я сняла шляпу и поправила прическу перед огромным нелепым зеркалом в холле, после чего решила, что мне не остается ничего другого, как идти туда, откуда раздавался голос хозяина.

Я прошла через длинный холл, весь загроможденный предметами искусства. Меня поразила странная смесь. Изысканные акварели и яркие фактурные полотна недавно вошедшего в моду художника соседствовали с двумя черно-белыми глянцевыми портретами Элвиса Пресли, как будто Говард Граут хотел сказать: «У меня есть вкус, я разбираюсь в искусстве, но я буду вешать все, что мне взбредет в голову». Имей он другое происхождение, можно было бы смириться с такой позицией. А так все это выглядело дешевым эпатажем.

В самом конце холла я увидела скульптуру – обнаженную мужскую фигуру, высеченную из мрамора. Несмотря на то что в целом меня не привлекает обнаженная натура в искусстве (подобные произведения очень сложно вписать в ин-

терьер), это был действительно впечатляющий экземпляр. Скульптура одновременно и шокировала, и заставляла сердце биться сильнее. Если бы она не была столь искусно выполнена, ее можно было бы считать порнографией.

Я присмотрелась и увидела имя, вырезанное у основания. «Сойер Джексон». Я слышала о нем раньше – не было галериста, который бы не слышал об этом скульпторе и живописце. Все художественные салоны в Техасе и даже в Нью-Йорке пытались уговорить его выставить на продажу свои работы. Но он был неуловим, как дым, и никто не мог уговорить его выставить свои шедевры для всеобщего обозрения. Я даже никогда и не пыталась – не хотелось носиться с капризным художником. Хотя, должна признаться, я и не видела его работ.

Обнаружив наконец Говарда, я собиралась спросить его о скульпторе, но была сбита с толку – он оказался на кухне. Да-да, на кухне. Думаю, не стоит объяснять, что на кухне можно принимать только самых близких друзей, которых знаешь уже лет сто.

Когда я вошла, Говард копался в корзинке с Кикиными сладостями.

– М-м-м, м-м-м, – произнес он. – Выглядит чертовски аппетитно. – Он откусил кусочек. – Да ты отлично готовишь!

– Это не я, а моя горничная. – Я огляделась. – Миссис Граут дома?

– ?

– А что, есть другие?

Он поморгал, после чего разразился смехом, от которого едва не лопались барабанные перепонки:

– Хороший вопрос. Нет, только одна. Я сперва не понял от удивления. Не слышал, чтобы кто-нибудь до этого называл мою Никки миссис Граут. А звучит неплохо, правда?

Я была очень зла на Гордона – ведь именно из-за него мне приходится иметь дело с этим человеком.

– Никки нет дома. Она пошла по магазинам тратить мои деньги. Здесь только мы с тобой, дорогуша. У нас с Никки есть пара горничных, как и у тебя. Только вот не знаю, куда они подевались.

Я не могла понять, к чему он клонит. Дом действительно казался совершенно пустым. Не было слышно ни работающей стиральной машины, ни включенного пылесоса, ни газонокосилки – ни малейшего намека на то, что кто-то занят работами по хозяйству. А это означало, что я нахожусь одна в доме с полуголым хамом.

Думала ли я, что он может напасть на меня? Нет. Думала ли, что станет настойчиво проявлять ко мне повышенный интерес? Безусловно, нет. Но по выражению его лица можно было легко догадаться, что он попытается выведать истинную причину моего прихода. И если я не выложу все начистоту, он вряд ли согласится помогать мне.

– Очень жаль, что миссис Граут нет дома. С нетерпением ожидаю встречи с ней. Хорошо бы, она заглянула ко мне на

чашечку чая.

Говард ухмыльнулся:

– Она будет в восторге.

Он сунул недоеденный кекс обратно в корзинку и сделал шаг в мою сторону. Я чуть не застонала. Я вдруг поняла, что, как бы ни жаждала отомстить, дружба с Говардом Граутом невозможна. Я проклинала блестящие чулки и шифоновое платье, делавшие меня еще более соблазнительной, чем обычно. Придется очень постараться, чтобы отвлечь его внимание от моей внешности, и, возможно, вид женщины, попавшей в тяжелое положение, укротит полет его фантазии, пока она не зашла слишком далеко.

– Честно говоря, – решила я, – я здесь потому, что мне нужна ваша помощь.

Он остановился:

– В самом деле?

– Да. – Я сложила руки на груди. – Мне нужен юрист.

Он лениво зевнул:

– Ты знаешь каждого юриста в городе. Почему тебе вдруг понадобился я?

И тут я поведала ему обо всем, что произошло, выливая на него целые потоки слов. Несмотря на то что сохранение тайны личной жизни любой ценой было непреложным правилом поведения, я выложила все до последней детали. Я не могла остановиться, пока он не прервал меня:

– Я помогу тебе.

Неужели все может быть так просто?

– Правда?

– Да. И даю тебе слово, что Гордон Уайер проклянет тот день, когда заварил эту кашу.

– О, благодарю вас!

– Не спеши с благодарностями, дорогуша. Всему своя цена.

– Я думала, вы поняли, что у меня сейчас некоторые трудности... ну, в общем, с деньгами.

– Да не нужны мне ваши деньги, миссис Уайер.

Плохой знак. Что это он вдруг перешел на официальный тон?

Он смерил меня взглядом, и я поняла, что мне не удалось остановить полет его фантазии. Он потребует секса. Секса с красавицей Фредерикой Мерседес Хилдебранд Уайер, женой Гордона Уайера.

Можете считать меня высокомерной гордячкой, но я знаю то, что знаю.

При мысли о сексе с этой визгливой свиньей мне самой захотелось завизжать. И уж точно не от радости. Честно говоря, сама по себе мысль о сексе не была мне противна. После скуки, которую навевал секс с моим бывшим мужем, меня обуревали совершенно не подобающие леди желания, требующие удовлетворения. (Выдам страшную тайну: при всех моих манерах, я выросла на ранчо и знаю, что такое дикий животный секс, хотя и притворяюсь, что это не так. Правда,

увы, у меня самой никогда не было шанса заняться чем-нибудь подобным.)

Но человек, пожиривший меня глазами, был готов представлять мои интересы, найти моего мужа и так прижать ему хвост, что он взвоят.

Мне пришлось задуматься, готова ли я заплатить ту цену, которую он собирается потребовать.

– И какова же эта цена, мистер Граут?

Он скривил губы, и взгляд его развратных глаз стал вызывающим.

– Я буду представлять твои интересы, – сказал он, – если ты поможешь моей Никки вступить в Лигу избранных.

Глава шестая

Еще не легче. Сюрприз за сюрпризом.

Помочь Никки Граут вступить в Лигу избранных?

Ни в одну Лигу избранных на юге так просто не попасть, а Говард Граут дал ясно понять, что хочет видеть ее в Лиге Уиллоу-Крика. Безумная затея!

Тут в кухню ворвалась сама Никки, и мое удивление взлетело до небес.

– Пупсик, я пришла!

Увидев вместо своего «пупсика», который, как можно предположить, был ее мужем, меня, она остановилась как вкопанная. Если бы я в этот момент двигалась, то тоже замерла бы на месте. Одета она была так, что ее появления было бы достаточно, чтобы образовалась пробка на любой улице в лучших районах Техаса. Никки Граут была невысокой женщиной, еще четыре дюйма роста ей добавляли шпильки – а я говорила, как в Лиге относятся к шпилькам (недопустимо), не говоря уж о шпильках в дневное время (абсолютно недопустимо). Я взглянула на часы, хотя мне и не нужно было знать время. Одиннадцать тридцать утра.

На случай, если шпилек оказалось бы недостаточно, чтобы отправить консервативный Уиллоу-Крик в нокаут, на ней были ярко-розовые лосины с леопардовым рисунком и ярко-розовая кофточка, по горловине и манжетам отороченная

розовыми страусовыми перьями, которые парили вокруг ее плеч и запястий, как облака сахарной ваты. Она выглядела, как девушка из стриптиз-клуба. Ее одежда, казалось, кричала: «Я беру плату за час, потому что я отчаянно нуждаюсь», а вовсе не «Давайте выманывать деньги у богатых мужей и отдавать их нуждающимся».

К счастью, у меня неплохое чувство юмора.

Но на этом сюрпризы еще не кончились.

– Фреди! – радостно воскликнула Никки. Она бросилась ко мне – на удивление быстро, принимая во внимание ее обувь, – через выложенную терракотовой плиткой кухню и окутала меня облаком перьев, которые прилипли к моей со вкусом подобранной светло-розовой губной помаде, при этом едва не расплющив шляпу, которую я держала в руках.

– Я так и знала, что ты придешь!

Пытаясь вытащить пушинку изо рта, я краем глаза посмотрела на Говарда. Похоже, он тоже был в шоке.

– Вы знакомы? – спросил он с недоверием.

В том-то и дело. Я действительно знала Никки, с первого класса школы. Помните маленькое общество друзей, которое мы организовали с Пилар? Никки была его членом.

– Фреди была моей лучшей подругой, – объяснила Никки.

Она отступила и восторженно уставилась на меня, ее пышные (куда ни шло) всклокоченные (никуда не годится) волосы и увешанные побрякушками уши, шея и пальцы делали ее похожей на неоновую вывеску стриптиз-бара в Лас-Вегасе.

– Почему ты мне не рассказывала? – спросил ее муж, глотая слова и брызжа слюной.

Она засмеялась, сверкая глазами, совершенно не испугавшись вспышки мужниного гнева:

– Я хотела, чтобы ты удивился, когда она наконец зайдет нас поприветствовать. Я знала, что она это сделает.

Стоило ожидать, что Говард будет в ужасе. Вместо этого он кинул на меня негодующий взгляд. Как будто это я была виновата. Говард Грауд, НС, был недоволен мною, Фреди Уайер! Меня обуревали странные чувства, в основном неприятные.

– О Боже! – воскликнула Никки, обратив вдруг внимание на то, как одет ее муж. – Где твоя рубашка, солнышко?! – Она вновь посмотрела на меня. – И чай! Давайте попьем чаю.

Это было правильно: во-первых, она поняла, что ее муж одет неподобающим образом, во-вторых, предложила единственно подходящий для неофициального визита напиток – чай. Лучше всего сладкий и со льдом, но горячий тоже подошел бы.

К сожалению, все ее усилия были сведены на нет следующими обстоятельствами: ее муж был из тех, кто так и не наденет рубашку, и, что еще хуже, он был с обнаженным торсом в присутствии двух женщин, а в ее предложении выпить чаю прозвучало слишком много энтузиазма. Леди из Лиги избранных никогда не должна так сильно пытаться угодить гостю.

– Спасибо, но мне правда пора...

– Миссис Уайер, – прервал меня Говард Граут. Его шок прошел, и самоуверенность адвоката, выигрывающего безнадежные дела, вернулась, как по волшебству. – Выпейте чаю.

Я снова ощутила, что мне не место в этом вульгарном доме, и еще сильнее захотела уйти. Но нельзя было забывать об одном досадном обстоятельстве: мне нужен юрист.

– Гови. – Думаю, понятно, что это произнесла не я. – Будь хорошим мальчиком.

Он с негодованием взглянул на меня. В ответ я улыбнулась и сказала:

– Да, Гови, будь хорошим мальчиком.

Это было глупо с моей стороны – ведь я нуждалась в его услугах, – хотя и ненамного глупее мысли, что смогу проташить это чудо в перьях в ЛИУК. Я решила не спешить и остаться у них на некоторое время, по крайней мере чтобы успеть обдумать сложившееся положение.

Я чувствовала себя ужасно неловко. Никки порхала по кухне, треща без умолку и суется так, словно готовила чай для королевского приема, а я тем временем стала просматривать список юристов, обнаруженных в «Желтых страницах». Разумеется, я уже ознакомилась с ним – еще дома, собираясь к Говарду Грауту. Я знала, что никто больше мне не подходит. А после того как я узнала, что он хочет взамен, можно было сделать вывод, что и его кандидатура отпадает.

Другая женщина на моем месте впала бы в отчаяние и потеряла способность ясно мыслить.

Я улыбнулась и сказала:

– О, Господи, мне пора.

Никки резко остановилась, ее перья поникли, накрашенное лицо погрузнело. В каждой руке она держала по чашке с чаем и напоминала богиню Правосудия с весами, попавшую в бордель.

– О, – разочарованно произнесла она.

– Мне очень жаль. Но я опаздываю на встречу.

– Миссис Уайер... – многозначительно повторил Говард.

– Я в самом деле не могу остаться. С удовольствием бы, но мне надо бежать.

– Следует ли понимать это так, что вы больше не нуждаетесь в моей помощи?

Все вернулось к сути моего визита.

– Помощь? Какая помощь? – заволновалась Никки.

– Мы с твоей подругой обсуждали кое-какие дела до твоего прихода. Незачем забивать лишней чепухой твою прелестную головку, пышечка, – ответил адвокат, даже не взглянув на жену.

Я уже упоминала список вещей, которые нельзя делать? Как раз после «Нельзя проявлять ни к кому симпатию при посторонних» и «Только девицы легкого поведения бреют ноги выше колена» говорится: «Не называй никого „пышечка“ или, что в принципе тоже самое, – „пупсик“».

Несмотря на все их деньги, Грауты решительно не подходили для Лиги избранных.

Но что же делать?

Я хотела немедленно отказаться от его услуг. Но слова, казалось, застряли у меня в горле. В то же время я не в силах была продолжать просить о помощи.

– Разрешите мне вернуться к этому разговору позже, мистер Граут. – Я смущенно переминала шляпу руками. – Я действительно опаздываю.

Надеюсь, мой уход был не очень похож на бегство. Выругавшись недопустимо для леди, я облегченно вздохнула и наконец-то опустилась на мягкое кожаное сиденье машины. Мое намерение заставить мужа заплатить за все еще более окрепло.

«Друзья навек».

Черт побери Гордона Уайера и его лживую душонку.

Мысли путались у меня в голове, пока я неслась прочь от дворца Граутов по узким извилистым улицам «Ив» мимо роскошных домов, разбросанных среди покрытых зеленою холмов.

Действительно, мы с Никки встретились в начальной школе Уиллоу-Крика в классе мисс Лайт. В маленькой компании, образовавшейся тогда, нас было трое: Пилар, Никки и я.

В тот день я пришла на занятия к мисс Лайт первая, так как отец завез меня в школу по пути на ранчо. Помимо разведения скота, управления несколькими нефтяными сква-

жинами и инвестиционных проектов, у него была своя работа на ранчо. Не тот он был человек, чтобы доверять ведение незначительных дел кому-нибудь еще.

В дальнейшем в школу и обратно меня отвозил Радо, работник с ранчо, – папа ему полностью доверял. Но в тот первый день папочка сам проводил меня.

Я готова была разрыдаться, но мой огромный, как медведь, папа посмотрел мне в глаза и сказал: «Ты же моя дочь, а значит, не должна плакать».

Как же я могла после этого проронить хоть одну слезинку? Для папы, единственного человека, которого любила, я готова была сделать все что угодно, даже не заплакать в тот момент, когда он собирался оставить меня в этом чужом и враждебном мире на неопределенно долгий срок, несмотря на то что неприятности уже начинались – какой-то мальчишка отпустил шуточку по поводу моего платья.

Так что я сделала единственное, что могла: лучезарно улыбнулась отцу на прощанье, затем нашла обидчика и стукнула его по носу. Рыжеволосый конопатый придурок обходил меня стороной все последующие двенадцать лет учебы в школе.

Я была в классе в окружении других детей, когда появилась Пилар. Ее держала за руку мать, которая подошла прямо к учительнице и что-то ей сказала. Я не знаю, что именно, но с тех пор мисс Лайт слегка побаивалась миссис Басс.

Пилар велели быть хорошей девочкой и получать хоро-

шие оценки. Я была в курсе того, что значит быть хорошей девочкой, но ничего не знала об оценках. Узнав, что это такое, я обрадовалась: появилась еще одна возможность быть лучше других. Мгновенно школа обрела для меня привлекательность.

Как только миссис Басс удалилась, Пилар, решительная и непреклонная, подошла прямо ко мне и заявила, что я – ее лучшая подруга, после чего села со мной рядом. Я не была уверена, что хочу дружить с ней, но сообразила, что она разбирается во всех этих Хороших Оценках, и решила не прогонять ее пока.

Пилар достала из сумки целую кучу карандашей, толстых, плохо заточенных, и, как солдатиков, выстроила на парте в строгом порядке. Вслед за ними появились грифельная доска и линейка. Я представить себе не могла, что она собирается со всем этим делать, но была очарована. Еще больше меня заворожили ее слова: «Ты выглядишь богатой». Еще одно новое понятие.

– Что значит богатый?

– Это человек, у которого много денег.

Я ничего не знала о деньгах.

– Денег?..

Пилар нетерпеливо вздохнула – уже тогда она опережала в развитии сверстников:

– У тебя много игрушек?

– Да.

– Много одежды?

– Не так много, как у мамы.

– А у нее много?

– О да. Целые шкафы.

– Значит, ты богатая.

После занятий мама спросила меня, что нового я узнала, и я с гордостью ответила:

– Узнала, что я богатая.

Меня отшлепали, отправили спать без ужина и велели никогда впредь не говорить ничего подобного. Но мать не опровергла слов Пилар. Моя новая подруга явно знала, что говорила, а меня эта информация очень заинтересовала.

Прямо перед началом урока в тот первый школьный день в класс вбежала Никки, одна, без мамы и без папы. Ее золотисто-каштановые волосы были растрепаны, будто их никогда в жизни не расчесывали. Для нас с Пилар Никки была экзотическим существом – ее не смущали ни растрепанные волосы, ни мятая одежда. Кроме того, она была уверена в себе и первая заговорила с нами на перемене, тогда как остальные дети смотрели на нас, но не приближались, – вероятно, уже распространились слухи о том, как я обошлась с рыжим обидчиком.

– Мы – лучшие подруги, – представила Пилар меня и себя. – А ты кто?

Глаза Никки широко раскрылись, и она умоляюще сложила руки:

– Я тоже хочу быть лучшей подругой.

Пилар оценивающе посмотрела на нее:

– Ты умная?

– Я не знаю.

– Ты богатая?

– Не знаю.

– А что ты знаешь?

– Не знаю.

Пилар была не в восторге, но, по ее мнению, нам нужно было как минимум три человека, чтобы получилось общество.

– Ясно одно: ты не такая красивая, как Фредди. И уж точно не такая умная, как я. Ладно, можешь быть нашей подругой.

Вот так и образовалось наше общество.

Никки – мечтатель.

Пилар – реалист.

А я – принцесса.

Теперь, по прошествии многих лет, я понимала, что Пилар с первого класса, если не с рождения, шла к тому, чтобы стать такой, какой она была теперь, – прямолинейной, реалистически мыслящей либералкой. Наверняка ей казалось, что она родилась не в той семье и не в том штате. Но факт остается фактом: уехав однажды на север, она все-таки вернулась назад. Вот вам и доказательство того, что если уж ты здесь родился, то Техас у тебя в крови, несмотря на все твои левые настроения, прилизанные волосы и уродливые очки.

Как она могла не вернуться домой?

Теперь Никки. Если бы я удовлетворила требование Говарда и помогла ей вступить в ЛИУК, можно было бы считать, что ее мечты сбылись.

Что касается меня, я всегда чувствовала себя принцессой, пока не оказалась на грани нищеты. Это абсолютно недопустимо, ситуацию необходимо срочно менять.

Я выехала из «Ив», помахала рукой Хуану, маячившему в окне кирпичного домика охранника. Мне нужно было время, чтобы перебрать все возможные варианты. Я не хотела, чтобы меня спасал мужчина. Баловали, обожали, воздвигали на пьедестал? Да. Но спасали? Non⁵.

Итак. Если у меня есть хоть один шанс сохранить положение в обществе, мне потребуется помощь Говарда Граута. Эта мысль не давала покоя, так как за свои услуги он запросил слишком дорогую плату.

Как говорят, нашла коса на камень.

Но, объезжая парк Уиллоу-Крика с восточной стороны главной площади, мимо толстых дубовых стволов и диких колокольчиков, рассыпанных повсюду, как цветной ковер, я вдруг поняла, что если кому-то и под силу протащить Никки Граут в ЛИУК, то только мне. Я была просто гений, когда речь шла о выполнении невозможного. Кроме того, если я не прибегну к помощи Говарда, чтобы вернуть деньги, меня в любом случае вышвырнут из Лиги. Мне нечего терять, зато

⁵ Нет (франц.).

смогу вернуть свое.

Решение было принято.

Я отыскала в бардачке мобильник и набрала номер справочной. То, что Грауты были в списке, показалось удивительным, но я обрадовалась, что мне не придется возвращаться в их дом, по крайней мере пока.

– Миссис Уайер? – сказал Говард. Определитель номера – это в духе НС.

– Да, это я.

– Итак, вы согласны.

Слова, которые я собиралась сказать, застряли у меня в горле, и я почувствовала, как мое напряжение пошло по телефонным проводам. Я не могла заставить себя сказать хоть что-нибудь. Но в тот момент, когда он выругался и собирался повесить трубку, я сдалась:

– Да, я согласна.

Он помедлил:

– ...Отлично.

– Вы заставите моего мужа заплатить за все его художества?

– Миссис Уайер, если вы протащите мою Никки в эту вашу навороченную Лигу избранных Уиллоу-Крика, я лично прослежу за тем, чтобы он не нашел себе занятия лучше, чем подавать бургеры в придорожной закусочной.

Эти слова пробудили во мне какое-то холодное, сладкое, совсем не подобающее леди чувство мести, и я произнесла:

– Что ж, хорошо. Договорились.

– Я обрадую Никки, что ее принимают в Лигу?

– Не спешите. Для начала можете сказать жене, что я представлю ее нескольким членам ЛИУК. Вступление в Лигу – долгий процесс.

– Ладно. Хотя, возможно, тебе стоит зайти и самой поговорить с Никки. – Он вернулся к фамильярному тону. – Объяснишь ей, что она должна делать. Кроме того, нам тоже не мешает поговорить. Мне нужна вся информация, которой ты располагаешь, о делишках своего муженька.

– Я знаю только об одном.

– Я о работе, миссис Уайер.

– А, конечно. Вам нужна информация из банка и все такое.

– Да, и как можно скорее.

– Когда вы хотите встретиться?

– Давай завтра.

– Так скоро?

– Если он действительно украл твои деньги, нельзя терять ни секунды. Если бы я не захотел проверить кое-что сам, то велел бы тебе ехать ко мне немедленно.

Чем дольше я с ним общалась, тем более убеждалась, что все в городе правы: он просто бандит. Но что мне оставалось? Только смириться с этим. Поэтому на следующий день я снова подъехала к его дому, нагруженная папками, принадлежавшими моему мужу, и планами относительно жены

моего нового юриста.

Глава седьмая

Чтобы протащить Никки Граут в ЛИУК, потребуется потрясающая организованность, а с этим у меня все в порядке. А еще должно случиться чудо. Мне предстоит разрабатывать планы, встречаться с людьми, бывать в разных местах. Божья помощь очень бы не помешала.

План действий я уже продумала. В весьма боевом настроении я подъехала к дверям соседа, и горничная в форме (хорошее начало!) открыла мне дверь.

– Миссис Граут...

– Фреди!

Я услышала голос Никки и цокот ее шпилек по плиточному полу. (Хорошее начало было безнадежно испорчено.)

Горничная отступила, чтобы дать мне войти. Никки широко раскинула руки и заключила меня в объятия вместе с папкой от Луи Вюиттона.

– Я так рада, что ты пришла! – прошептала она.

Присутствие горничной было хорошим знаком, а вот наряд Никки не изменился к лучшему. Казалось, она примерила костюм для шоу двойников Долли Партон. Ее прическа была слишком пышной, а одета она была в еще более обтягивающую одежду и туфли на таких высоких и тонких каблуках, что было непонятно, как не перевешивает ее впечатляющий бюст, который сегодня был особенно заметен, так

как на ней была облегающая кофточка с глубоким вырезом.

Я же для своего визита к соседям выбрала белую супер-элегантную блузку с длинными рукавами, заправленную в шелковую кремовую юбку. На шее и в ушах у меня был жемчуг, а на плечи я накинула светлый хлопчатобумажный джемпер.

– Проходи, проходи. – Никки за руку тащила меня через холл (горничной пришлось ловить спадающий джемпер). Мы вихрем пролетели через анфиладу французских дверей и вошли в гостиную, ошеломившую меня своими нейтральными тонами и со вкусом подобранной обстановкой. Я была столь же удивлена, сколь и обрадована. Если остальные комнаты дома выдержаны в таком же изысканном стиле, со сверкающим позолотой холлом можно смириться.

Однако в мгновение ока мы покинули островок хорошего вкуса и оказались в комнате в стиле сафари. Кругом была кожа, раскрашенная под леопарда, а по стенам развешаны изображения экзотических животных.

Подозреваю, что дизайнер, который выполнял заказ для Граутов, настоял, чтобы хотя бы гостиная была оформлена на его собственное усмотрение, а не согласно пожеланиям заказчиков. Интересно, какие волшебные слова надо было произнести, чтобы добиться этого.

– Это кабинет Говарда.

– Ах... – Я не нашлась, что сказать.

– А вон там – бассейн.

До меня тут же донесся запах хлорки. Неудивительно – бассейны не полагается устраивать так близко к дому, за исключением разве что Лос-Анджелеса, где они сооружаются бесконечными каскадами и являются украшением дома. Но мы не в Лос-Анджелесе.

Более того, бассейн находился даже не снаружи. Мы прошли еще через несколько двустворчатых дверей в огромный атриум, где располагался отнюдь не маленький бассейн, окруженный дорическими колоннами, греческими статуями и, совсем уж не к месту, пальмами, которые уходили ввысь сквозь отверстия в стеклянном потолке. Мы, очевидно, оказались в тематической части дома.

– Это – комната-«джунгли», а это наш греко-римский гарем в тропическом стиле.

Может быть, хороший декоратор и должен смешивать различные элементы дизайна, цвета и стили. Но эта адская смесь повергла меня в шок.

Наконец мы добрались до того, что, видимо, и было целью путешествия по дому, – вышли на веранду. Как раз за ней, сквозь витражное окно, я смогла разглядеть очертания домика для гостей. Само собой, он выглядел как мини-дворец, но, как ни странно, был при этом вполне гармоничным. И снова меня успокоило и обрадовало присутствие адекватного стиля. Веранда в бледно-желтых и зеленых тонах была наполнена прозрачными воздушными тканями, которые создавали ощущение уюта и классического стиля одновремен-

но. Мне подумалось, что, быть может, этот дом стал полем битвы двух дизайнеров, где каждый что-то отвоевал, а что-то уступил.

Когда мы вышли на веранду, Говард сидел там, читая газету и попивая кофе. Он не потрудился встать при нашем появлении.

– Мария! – громко позвала Никки. Прибежала горничная.

– Принеси чай для моей подруги.

Я поджала губы. Говард это увидел. Да-с.

Никки ничего не заметила. Она подвела меня к стулу, а затем поспешно схватила другой и уселась рядом со мной.

– Не передать, как я взволнована тем, что меня примут в Лигу избранных Уиллоу-Крика! Меня! Представляешь?!

Я не могла себе этого представить.

– Теперь расскажи мне все-все, что я должна сделать.

– Вероятно, муж тебе уже говорил, что в начале процесса вступления в Лигу – а это будет именно процесс – я хочу представить тебя нескольким дамам из Лиги.

– Не могу дождаться!

– Ну вот, нам нельзя терять времени, так как новые члены принимаются в конце мая. Придется работать в темпе. Думаю, первым делом я устрою небольшое чаепитие у себя на следующей неделе. Конечно, уже поздно рассылать приглашения, но я обзвоню всех.

– Всегда мечтала устроить вечеринку для леди. – Никки посмотрела на меня широко раскрытыми глазами и, подав-

шись вперед, взяла меня за руки. – О, Фреди, позволь мне устроить чаепитие у себя.

– ?!

– Пожалуйста! Все будет замечательно, обещаю. Настоящее чаепитие для настоящих леди. С китайским фарфором и серебром. Клянусь. – Она перекрестилась.

– Никки, ну, я не знаю...

Говард с шумом поставил чашку:

– Чего тут не знать? Устраивайте свое чертово чаепитие здесь. Будто я не знаю, что половина Уиллоу-Крика мечтает посмотреть мой дом. – Он фыркнул. – Кроме того, они наконец убедятся, что у меня куча денег.

Что правда, то правда. Половина города действительно мечтает побывать во дворце Граутов, как я называла дом своего соседа. И хотя разговоры о чьем-либо достатке и были абсолютно НС, не могу отрицать, что людям интересно узнать, насколько Говард Граут богат в действительности.

Мое мнение вдруг изменилось, я начала видеть смысл в том, чтобы провести чаепитие именно здесь. Без сомнения, будет достаточно просто держать гостей подальше от бассейна и кабинета. Ни одна из наших дам, будучи в здравом рассудке, не попросит показать ей дом. Все знают, что, согласно этикету, если хозяйка захочет показать дом, она предложит это сама. А я уж позабочусь о том, чтобы Никки этого не предлагала.

Горничная принесла мне чай.

– Так мы устроим маленький прием здесь? – настойчиво спросила Никки.

– Хорошо. Рассчитывай на следующий вторник в одиннадцать тридцать.

– Боже мой! Так скоро?

– Нужно, чтобы твою кандидатуру поддержали шесть женщин. Конечно, я буду одной из них. Но нам все равно нужны еще пятеро.

– О Господи... – выдохнула Никки.

– Вот именно. – Я отхлебнула чай. Не мой любимый сорт.

– Хорошо, вторник отлично подойдет! Будет так весело!

Конечно же, женщины в Техасе в основном жизнерадостные и веселые. Но члены Лиги Уиллоу-Крика отличаются рафинированной веселостью. Никки, как и ее одежда, была слишком эмоциональной.

– Что подать к столу? – спросила она. Я слегка оторопела:

– Это будет чаепитие.

Никки рассмеялась:

– Какая я глупая! Но разве это не будет скучно? Как насчет шампанского?

Секунду я неподвижно смотрела на нее:

– Я, кажется, сказала, что чаепитие будет в одиннадцать утра.

Она была в замешательстве.

– Слишком рано для шампанского, – терпеливо добавила я.

– Ты права! И о чем я только думаю? Надо подать утренние напитки, «Мимозу» и «Кровавую Мэри».

– Нет! Просто чай – сладкий и со льдом – плюс что-нибудь горячее. Может быть, кофе. Свежевыжатый апельсиновый сок. Возможно, несколько сэндвичей. С огурцом и каплей майонеза отлично подойдет. Корочки нужно обрезать.

Никки наморщила нос:

– Ты хочешь, чтобы я сделала сэндвичи с огурцом и «Чудо-соусом»?

Если вы следите за списком того, что нельзя делать, добавьте: «Никогда не использовать „Чудо-соус“». Майонез, предпочтительно домашнего изготовления, должен быть настоящим. Если под рукой нет домашнего, то это может быть только «Хеллманн».

Я объяснила это как могла вежливее.

– Она проследит за этим, – вмешался Говард. – Что еще?

– Маленькие пирожные были бы очень кстати. Самые вкусные продаются в кондитерской «Мэгги» на площади. Подай их на вашем лучшем китайском фарфоре, а чай со льдом – в лучшем хрустале. Обязательно положи полотняные салфетки, соответствующие дневному времени, в отличие от ужина. Я начну обзванивать дам, как только вернусь домой. Рассчитывай прием на семь-восемь человек, включая себя.

– Ладно! – Ее голубые глаза горели от возбуждения. – Я

все сделаю как надо. Подам все на столики вокруг бассейна.

– Нет! – Я опять теряла терпение. – В этом нет необходимости. Думаю, будет очень мило устроить чаепитие в вашей чудесной гостиной. По-моему, рядом с ней я видела прелестную приемную?

– Но это так скучно.

– Что ж, возможно, скука – это то, что подходит для подобных мероприятий.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Я остановилась еще на нескольких мелочах. И ведь я еще не добралась до самой трудной части плана. Но делать было нечего, и я бросилась в бой.

– Да, Никки. Было бы неплохо, если бы ты надела что-нибудь... не такое... – Я пыталась подобрать слово. Кричащее. Вульгарное. НС. – Не такое грандиозное.

– Что ты имеешь в виду?

– Что-нибудь, что более бы подходило к утреннему чаепитию членов Лиги.

– Тебе не нравится, как я одеваюсь?

– Почему не нравится? Просто девушки в Лиге не... не наряжаются с самого утра.

– Что ты хочешь, чтобы она надела? – спросил Говард.

В его голосе звучало подозрение, и мне захотелось сказать, что если ему не нравится, как члены Лиги одеваются к утреннему чаю, возможно, ему стоит еще раз подумать, на-

до ли его жене вступать в ее ряды. Но, конечно, я этого не сказала. Я уже знала, что прямолинейность может повлечь за собой такую правду, которую не каждый может переварить. Кроме того, мне все еще нужен был юрист.

– О, что угодно, в самом деле. – Нет, спохватилась я, не то. – Что-нибудь женственное, изящное. Банты и жемчуг – беспроегрешный вариант.

Говард ухмыльнулся:

– Банты и жемчуг. Жуть.

– Как Джеки Кеннеди.

– Да ну ее к черту, она уже померла.

– Гови! – прикрикнула Никки на мужа, а затем обратилась ко мне: – Что-то типа платья с бантом и жемчужное ожерелье?

– Звучит чудесно.

– Хорошо. – Она переваривала услышанное. – Хорошо! – повторила она с большей убежденностью.

Я ненавидела, всей душой ненавидела это место. Будь проклят мой муж, где бы он ни находился!.. Но потом я представила себе его в униформе фастфуда, готового провалиться от стыда, когда его школьные и университетские друзья заходят перекусить. Можно сказать, что я в настоящее время была в чистилище, но очень скоро Говард Граут сделает так, что Гордон окажется в аду.

Горничная вернулась и грациозно наполнила мою чашку; мои дурные предчувствия немного ослабли. Мне пришло в

голову, что, возможно, горничную было бы легче провести в Лигу, чем Никки. С другой стороны, если Никки Граут была способна организовать более или менее подобающий чай для меня, ей точно под силу устроить небольшой прием, от которого у моих подруг волосы не встанут дыбом.

– Ты принесла бумаги, которые мне нужны? – спросил Говард.

Я была рада сменить тему, причем как раз об этом и хотела поговорить больше всего – о моем муже и денежных вопросах.

Раз в месяц, по настоянию моего отца, мы с Гордоном вместе разбирали счета. Он составлял полный список всего, чем мы владели. Я принесла эти бумаги, а также отчеты, которые Гордон вел по галерее Хилдебранд.

Я передала все, что у меня было, грациозно вернулась на свой стул и взяла со стола чашку с блюдцем.

– Что за бумаги? – заинтересовалась Никки.

– Ничего такого, чем стоило бы забивать твою хорошенькую головку, – ответил ей муж. – Нам надо поговорить о делах. Пойди займись подготовкой приема.

– Я не могу просто так уйти.

– Это бизнес, пышечка.

– Всякие юридические дела, о которых я не должна знать, полагаю. – Она вздохнула и поднялась со стула. – Увидимся на чаепитии?

– Да, в следующий вторник. Я обзвоню гостей по спис-

ку и приду пораньше, на случай, если тебе понадобится какая-нибудь помощь. И не стесняйся звонить, если возникнут вопросы.

Она приободрилась и поспешно вышла из комнаты, громко призывая горничную.

У Говарда ушло тридцать минут и две чашки кофе на то, чтобы ознакомиться со всем, что я ему принесла.

– Кто еще знает обо всем этом?

– Никто. – Я очень на это надеялась.

– Ты никому не говорила?

– Нет. Кроме Кики, которая не скажет ни одной живой душе.

– Хорошо. Мы используем это как рычаг, когда я найду его. Если он тут же не упадет нам в ноги, пригрозим, что предадим огласке его интрижку.

– Нет! Только не это!

– Прости, но я должен напомнить, что у нас больше ничего на него нет. По крайней мере, пока. Нам нужно доказать, что он украл твои деньги. Технически на данный момент они просто пропали.

– Я не о том! Я имею в виду, что мы не можем ничего предавать огласке!

– Это еще почему?

– Мистер Граут, я полагаюсь на вашу осмотрительность. Я не могу позволить, чтобы весь Уиллоу-Крик узнал, что мой муж сделал что-то с моими деньгами и сбежал с другой жен-

щиной.

– Не хочу тебя огорчать, дорогая, но это именно то, чего он от тебя ожидает. Скорее всего, он рассчитывает, что ты будешь стараться сохранить все в тайне и у него не возникнет никаких проблем. Для начала попробуем действовать по-твоему. Но если ты хочешь получить обратно свои деньги, должен сказать тебе, что я не собираюсь миндальничать.

Я согласилась с этим. У меня закружилась голова.

– Хорошо, – сказал он, – этого мне достаточно, чтобы начать. – Он встал, давая понять, что мне пора уходить, но в последнюю минуту снова посмотрел на меня и поднял одну из папок. – Пока я буду работать, мой тебе совет: постарайся заставить свою идиотскую художественную галерею приносить прибыль. Или хотя бы не приносить убытков.

Я выпрямилась:

– Что вы имеете в виду?

– Галерея – черная дыра, куда уходят деньги, а ты не можешь этого допустить. И никто, будучи в своем уме, ее у тебя сейчас не купит. К тому же любая продажа имущества еще сильнее запутает твои дела. Так что потрать немного времени, займись галереей, чтобы она начала приносить доход.

Я, должно быть, выглядела столь же сбитой с толку, как Никки, когда мы начали обсуждать подходящие напитки для чаепития.

– Найдите художника, миссис Уайер. Устройте выставку. Сделайте что-нибудь, что принесло бы какой-то доход. Вы

больше не можете задерживать выплату налогов.

– У меня есть художники.

– Да, те, кто пишет не для всех и работы которых никто не покупает.

– Верно.

– Найдите кого-нибудь стоящего. – На секунду он задумался, а затем прокричал: – Никки! Кто сделал ту чертову статую, на которую я потратил столько денег? Имя у него, как у педика, да и выглядит он так же.

Она отозвалась:

– Сойер Джексон?

Я вспомнила скульптуру в холле.

– Он самый, – сказал Говард. – Где его студия?

Никки назвала адрес в южной части города:

– Но он не любит посетителей. Ценит уединение. Кроме того, не устраивает показов. На самом деле, думаю, он сейчас строит что-нибудь.

– Что строит? – не понял Говард.

– Не знаю. Когда я в последний раз его видела, он говорил больше о строительстве, чем об искусстве. И еще, перестань называть его педиком, Говард. Это нехорошо.

– Пышечка, дай Фреди его номер телефона и адрес. – Он взглянул на меня. – Если ты сможешь убедить кого-то, кто не выставляет свои работы, устроить показ у тебя, вокруг этого будет долго стоять шумиха, а это как раз то, что надо, чтобы галерея Хилдебранд перестала быть убыточной.

Никки уперла руки в боки.

– Но Говард...

– Никки, куколка, не бери в голову. Конечно же, Фреди Уайер будет просто сверхобходительной с твоим маленьким голубым другом. – Он ухмыльнулся мне. – Никаких дразнилок и кричалок.

И правда, хоть кричи. Он захихикал:

– Если уж кто-то и может уговорить другого сделать, что надо, то это ты, Фреди.

Что ж, могу только сказать, что он сообразительный маленький. Соьер Джексон может отказывать кому угодно, но, как правильно понял Говард, я – не кто угодно. Я не сомневалась, что, услышав мой звонок, он тут же отменит все встречи. После того как я увидела его работу и во мне пробудился интерес, я была твердо намерена позвонить.

– Найди его телефон, Никки, – сказал Говард, сверля меня взглядом. – А ты, Фреди, позвони ему, назначь встречу, пойди и поговори с ним. Подумай, что бы такое тебе с ним состряпать. А я тем временем поработаю над твоим делом.

Когда я встала, Говард улыбнулся мне:

– Похоже, теперь у тебя есть чем заняться.

Я уничтожающее посмотрела на него, и постепенно его наигранная улыбка потухла. Но этим я и ограничилась, так как не собиралась опускаться до его уровня.

– Благодарю вас за помощь, мистер Граут, – сказала я просто. – Буду ждать следующей встречи, как только вам удаст-

ся продвинуться.

После этого я вышла из его местами прекрасного дома, села в машину и обхватила руль руками с идеальным маникюром, недоумеваю, в какую – чертову, добавил бы Говард Граут – историю я впуталась.

Глава восьмая

Добравшись до дому, я решила сразу же позвонить скульптору и договориться о встрече – надо взглянуть на его работы. Увидев статую у Граутов в холле, я не сомневалась, что и другие его произведения окажутся впечатляющими. Но, как известно, одного таланта для успеха недостаточно. Мне нужно с ним встретиться, посмотреть, как он выглядит, что собой представляет и что вообще о себе думает.

Красавцем ему быть необязательно. Если окажется, что творения этого Сойера Джексона смогут привлечь внимание состоятельных жителей Уиллоу-Крика и вызвать желание что-нибудь приобрести, я вполне смогу работать с геем. Разумеется, слишком голубое поведение мне ни к чему, принимая во внимание, что галерея Хилдебранд должна начать приносить прибыль, но легкий налет голубизны будет уместен – ведь Сойер Джексон неуловим, а это так возбуждает воображение дам.

Я взяла телефон и набрала номер, который дала мне Никки. Раздались долгие гудки. Несколько секунд спустя я поняла, что жду напрасно – даже автоответчика не было. Я не большой любитель этих устройств, но у кого в наш век нет горничной, секретаря или хотя бы автоответчика, чтобы отвечать на телефонные звонки?

Я подумала, что ошиблась, и снова набрала номер. На этот

раз быстро сработал автоответчик. У меня возникло четкое ощущение, что кто-то включил его, пока я повторно набирала номер. Записанный на пленку голос произнес: «Я работаю. Оставьте сообщение. Если смогу, я вам перезвоню».

Маловероятно, что он окажется приятным человеком. Если он сам так же груб, как его автоответчик, вряд ли мне удастся продать хоть одну его работу – по крайней мере на показе, на котором он будет присутствовать. Я не понимала, как Говарду Грауту могло прийти в голову, что этот человек вытащит из долгов галерею Хилдебранд. Конечно, Говард не обращал внимания на такие мелочи, как хорошие манеры или, наоборот, их отсутствие.

И все же я не могла забыть чувственные изгибы мраморной статуи, высеченной Сойером Джексонем.

Прозвучал сигнал автоответчика. «Это Фредерика Хилдебранд Уайер, галерея Хилдебранд. Мне сказали, что вы могли бы согласиться принять участие в показе, который я устраиваю в своей галерее. Я бы хотела поговорить с вами в любое удобное для вас время. Пожалуйста, перезвоните».

Я едва успела продиктовать свой номер, как автоответчик отключился.

Но это все были мелочи. Гораздо больше меня волновало приближающееся чаепитие. Членов Лиги, которые пожелают прийти к Никки, еще надо было поискать.

В первую очередь я позвонила матери, так как уже начала планировать дебют Никки – камерный ленч с несколькими

моими близкими подругами. Честно говоря, действительно *близких* друзей я приглашать не собиралась – так, несколько дам, не самых важных, которым достанется роль подопытных кроликов. Мне предстоит совершить чудо, и для начала надо провести разведку и посмотреть, как наши дамы отреагируют на мою затею.

Мою мать совсем не просто уговорить, но она все же моя мать и, смею надеяться, не откажется помочь мне. Кроме нее вряд ли кто сможет придать хотя бы видимость респектабельности всей этой истории.

Я набрала номер:

– Мама?

– Это ты, Фредерика?

– А кто еще называет тебя мамой?

– Сарказм не только не идет леди, но и абсолютно неуместен. Мирна укладывает мне волосы, и в тот момент, когда я подняла трубку, она как раз делала мне моментальный спрей, так что я тебя почти не слышала.

Это все вранье. В «моментальном спрее» не было ничего моментального – так моя мать называла процедуру, когда парикмахер заливал ее волосы лаком. Блайт Хилдебранд была одной из немногих женщин в Техасе, кто все еще делал прическу раз в неделю. Лак позволял сохранить укладку в порядке все семь дней. Лак, и еще «не вертеть головой во время сна». Я убеждена, что с тех пор как моя мать стала взрослой, она ни разу как следует не выспалась.

Услышав про планируемое чаепитие у Никки, моя мать заявила:

– Она не нашего круга, дорогая. Естественно, мы не можем ее принять. – Видимо, моя мать не верит во всеобщее равенство.

– Мама, ну перестань. Никки всегда была очень мила.

– В ЛИУК не нужны милашки. Нам нужно хорошее происхождение, которое может поспособствовать общему делу. Хорошие семьи, хорошие связи дают возможность изыскивать хорошие пожертвования, с помощью которых мы можем совершать добрые дела.

Я и сама это прекрасно знала, но это было не то, что мне хотелось услышать в данный момент.

– Ну сделай это ради меня, мама.

Ее удивило, что я обратилась к ее чувствам.

– Пожалуйста, приди на ее прием, – уговаривала я. – Я не жду, что ты это одобришь, но было бы мило, если б ты оказала мне поддержку – ведь я же твоя дочь.

– Поддержать дочь в ее безумствах? – Мама тяжело вздохнула. – Зачем тебе все это?

Меня не так-то легко сбить с толку, и я не собиралась выкладывать матери всю правду.

– Я думаю, Лиге не помешает немного свежей крови.

Мать рассмеялась.

– В этом я как раз сомневаюсь, – сказала она. – Ну ладно, приду.

Насколько я знала свою мать, она никогда не стремилась узнать правду любой ценой, если чувствовала, что эта правда ей не понравится. Она руководствовалась в жизни девизом «Меньше знаешь – крепче спишь», что позволяло ей не чувствовать себя обязанной что-либо предпринимать в неприятной ситуации. У нее это получалось гораздо лучше, чем у военных.

– Во всяком случае, – продолжала она, – это хороший повод посмотреть на кошмар, который они зовут своим домом.

Моя мать была снобом, а точнее – снобом в превосходной степени. Почти все в городе полагали, что она происходила из почтенного старинного богатого семейства. Как бы не так. Это у моего отца были деньги старого доброго семейства. Вот вам яркий пример того, что в новоиспеченных аристократах снобизма гораздо больше, чем в потомственных.

Вот какой версии о встрече с моим отцом придерживается мама.

«Как только твой отец увидел меня, он понял, что жить без меня не может. Это произошло в университетском кафе-терии (мама умалчивает о том, что работала там официанткой, а не была студенткой). Он сказал „Привет!“, и мы поняли, что это любовь с первого взгляда».

Когда ее спрашивают о знакомстве с семьей отца, она уверяет, что ужасно им понравилась. Его родители уже умерли, так что ее слова трудно опровергнуть. К несчастью для моей матери, сестра отца все еще жива и рассказывает совсем

другую историю.

По словам тети Корделии, семья Хилдебрандов невзлюбила мою мать с первого взгляда. Они испробовали тысячи способов, давая ей понять, что не одобряют выбор сына. Как говорила тетя, это в одинаковой степени забавляло моего отца и выводило из себя мою мать.

В день знакомства с родителями отец привел свою будущую жену в их городской дом, который находился на площади к востоку от главной дороги на Уиллоу-Крик. Дом был выстроен в викторианском стиле и стоял посреди зеленой лужайки, окруженной ивами.

В тот день мама затратила немало усилий на свой туалет. Специально для такого случая она купила платье в «Джей си пеннейз». Это было облако яркой вздымающейся материи, перехваченное поясом по талии, с лихо закручивающейся юбкой-клевш, и все это было усеяно роскошными красными розами. Она купила красные перчатки (такие любят женщины из самых низов), красную сумочку и белую шляпу с искусственными красными розами на тулье.

Ее кричаще-безвкусный туалет был полной противоположностью простым элегантным платьям женщин семьи Хилдебранд, сшитым из хорошей материи. Платья дополняли скромный жемчуг, изысканные броши или камеи из слоновой кости. Цветастый наряд моей матери распространял вокруг себя волны яркой безвкусицы, как запах горелой яичницы, висящий в воздухе, когда сковороду уже унесли.

Тетушка понимала, что ей не следовало рассказывать мне эту историю, тем не менее она рассказывала и много других. Однако тетя не могла не признать способностей моей матери: она быстро усвоила все правила и никогда больше не носила безумно ярких платьев с цветами. С течением времени моя мать прославилась своими чопорными костюмами, туфлями на низком каблуке и дорогими, но при этом изящными украшениями – как и подобает представительнице старого богатого семейства.

Но я отвлеклась.

Моя бабушка Хилдебранд была крупной женщиной с железным характером. Она держала все семейство в ежовых рукавицах – за исключением моего папочки, единственного из Хилдебрандов, кто ее не боялся.

Когда мать пришла знакомиться со своими будущими родственниками – бабушка, конечно, считала ее всего лишь очередным увлечением своего сына, – она была немало удивлена их образом жизни. Тетя Корделия, дядя Робби и его жена присоединились к ним за чаем. Все собрались в элегантной комнате с высокими потолками, изящными драпировками и таким количеством мебели, которого было слишком много для любой комнаты. Вышколенная горничная принесла поднос. К удивлению моей мамы, Фелиция Хилдебранд сама разливала чай.

– Скажи нам, дорогая, – подав маленькую чашечку, которая, как клялась тетя Корделия, задрожала в руках матери,

спросила бабушка, – где именно в Техасе ты жила?

– В Далласе.

– На Хайлэнд-парк?

Увы! Хайлэнд-парк был старым престижным районом в большом городе и одним из немногих мест, которые Фелиция Хилдебранд рассматривала как подходящие для проживания.

– Нет, мэм. Я из Берсевилля – это маленький городок недалеко от Далласа.

По комнате прошелестел неодобрительный шепоток. Моя мать всегда была чувствительной, и могу себе представить, как сильно она смутилась. Уверена, что щеки ее стали красными, как розы на платье.

– Что ж, а кто твои родители, дорогая?

Я удивляюсь, что в этот момент моя мать не начала врать напрапалую. Возможно, она бы так и сделала, если бы перед этой встречей мой отец не взял ее лицо в свои сильные руки и не поклялся, что его семья полюбит ее так же сильно, как любит он. И по сей день она твердо придерживается версии, что так и случилось.

Итак, моя мама рассказала Хилдебрандам о своей семье, о Дейзи Джейн и Вилмоте Прутте и их восьмерых детях. Рассказ напоминал плохой фильм о временах Великой депрессии, но был совершенно правдив.

Атмосфера за столом с каждой секундой становилась все более напряженной. Наконец чаепитие закончилось, и моя

мать могла удалиться, думая, что знакомство прошло не так уж плохо, однако все было не так просто.

Я думаю, отец женился на моей матери только для того, чтобы досадить своей. Бабушка пыталась сопротивляться, но это было никому не под силу – Турмонда Хилдебранда понесло.

Казалось, Фелиция Хилдебранд ничуть не была встревожена новостью о том, что подруга ее сына работает официанткой. Она поднялась из-за стола и поблагодарила девушку за визит. Все стали расходиться. Тетя же случайно вернулась в гостиную и услышала, как ее мать сказала: «Ты ошибаешься, если думаешь, что сможешь окрутить моего сына». На этом месте тетя Корделия вспоминала, кому она все это рассказывает, и, спохватившись, сжимала мою руку и говорила: «Но Господь был благосклонен к нам в тот день, иначе у нас не было бы нашей прелестной малышки Фредерики».

Уверив меня в любви со стороны Хилдебрандов, которую моя строгая бабушка всегда питала ко мне, вне зависимости от ее чувств к моей матери, тетя подходила к самой драматической части истории – к рассказу о том, как Фелиция Хилдебранд вышла в холл, где ее ждал мой отец, и сказала, что на обеде, который она дает в эту субботу, он будет сидеть рядом с Розалин Линдси. Это прозвучало как само собой разумеющееся – бабушка не сомневалась, что сын в точности выполнит ее указание.

Тогда-то он и преподнес им важную новость:

– Мама, я не буду сидеть на обеде рядом с Розалин.

– Турмонд, вопрос решен, это не обсуждается.

Очевидно, вся ситуация вызвала у моей бабушки такой всплеск негодования, что все, кроме отца, отступили на шаг.

– Ты будешь сидеть рядом с Розалин.

– Мама, мама, – сказал отец с улыбкой, – видимо, он был очень доволен собой. – Я думал, ты из тех, кто любой ценой избегает конфликтов.

– Как это понимать?

– Мама, дорогуша, – бабушка ненавидела, когда сын так ее называл, – что скажут все твои правильные подружки в Лиге, если я буду сопровождать на твоём обеде одну женщину, будучи женатым на другой?

Тетя Корделия клялась, что ее мать чуть не хватил удар. Но слабость не была свойственна Фелиции Хилдебранд. Она даже не придвинула себе стул. Она так и стояла, во всем своем величии, а потом перевела ледяной оценивающий взгляд на мать. Наконец она снова обернулась к отцу:

– Ты не католик и не бедняк. Или ты найдешь способ расторгнуть этот брак, унижительный не только для тебя, но и для всей нашей семьи, или ты больше не переступишь порог этого дома. Выбирай.

Тетя всегда заканчивала рассказ горестными всхлипами и добавляла, что мой отец сделал свой выбор, и его мать – святая, просто святая! – смирилась. По крайней мере, внешне. До конца жизни бабушка не ладила с матерью, несмотря на

то что дочь Дейзи Джейн и Вилмота Прутта стала уважаемой дамой и заняла высокое положение в Лиге избранных.

Блайт Прутт Хилдебранд постепенно приобретала те же манеры и высокомерие, какими обладали бабушка и тетя, пока не стала изгоем в своей собственной семье в Берсевилле. На самом деле, моя мать стала настолько уважаемой, что порой я задавалась вопросом, не придумала ли она себе новую историю, в которую в итоге сама поверила.

Как бы то ни было, я надеялась, что мама окажет мне поддержку в операции по проведению Никки Граут в Лигу избранных Уиллоу-Крика и не станет моим главным противником.

Глава девятая

В течение следующих нескольких дней я еще несколько раз звонила скульптору, но безрезультатно. И вот наконец в то утро, когда мы с Кикой вместе работали в саду, я вошла в дом и услышала краткое сообщение на автоответчике: «Это Сойер Джексон. Меня не интересует ваш показ, так что перестаньте звонить».

Этот грубиян отказал мне. Я не могла в это поверить.

Я привыкла к интересу со стороны как мужчин, так и женщин, вызванному моими деньгами. Если девочка растет в достатке, она привыкает к подобному вниманию. Не стоит забывать также о моей красоте и неоспоримом шарме – я настоящий магнит для мужчин. А благодаря обворожительным личным качествам и способности внушать людям, что они мне небезразличны, мой магнетизм распространяется и на женщин. Конечно, большого опыта общения с голубыми у меня не было, но в самом деле, кто может не любить меня? Во всяком случае, кто-то, кроме моего мужа – лжеца и изменника.

Только эта мысль может служить оправданием тому, что на следующий день я встала, оделась в розовато-кремовых тонах, выгодно оттенявших мою персиковую кожу, нашла адрес, который дала Никки, и направилась в гараж.

– Куда это вы? – осведомилась Кика.

Я призвала на помощь весь свой неотразимый шарм а-ля Скарлетт О'Хара и с чуть большим акцентом, чем обычно, сказала:

– Добывать себе скульптора, дорогуша.

Я знала, что он живет в бедной части Уиллоу-Крика, но не думала, что уж на таких задворках. После того как я пересекла железнодорожные пути, которые знаменовали въезд в южную часть Уиллоу-Крика, я едва не въехала в группу митингующих, размахивающих лозунгами «Толстосумы, уберите вон!». На какую-то долю секунды я подумала, что они выгоняют меня, но потом поняла, что причиной их протестов стала новая стройка: бульдозеры сносили несколько домов, которые, должна сказать, этого заслуживали.

Я миновала толпу и продолжала двигаться по узким улицам с облезлыми домами, привлекая больше взглядов, чем мисс Техас в бикини. Южная часть Уиллоу-Крика походила на бедные кварталы любого другого города – сплошные развалюхи, облупившаяся краска, нестриженная трава во дворах и заколоченные окна. Наконец я нашла нужный дом. С натяжкой можно назвать его мини-виллой. Высокая стена отгораживала дом от всего остального мира. По счастью, ворота были открыты, и я въехала во двор.

Внутренний двор с фонтаном в центре был усыпан гравием. Здание было вполне неплохим, если учесть, что оно возводилось в 1800 году. Дух старины нарушали лишь несколько больших скульптур, расставленных тут и там. Чем боль-

ше произведений этого человека я видела, тем более была заинтригована.

Я вышла из машины и подошла к парадной двери. Обычного дверного звонка не было, только старый колокольчик на веревке. Я дернула, звон эхом отразился от стен. Никто не появился, я подождала и позвонила снова.

Было начало марта, и жаркие солнечные лучи уже обрушивались всей мощью на землю, наполняя воздух терпкими запахами ноготков, жимолости и далекого костра. Центральный Техас славится мескитовыми деревьями, древесину которых используют в качестве дров для барбекю. Если вас угостят омаром, поджаренным на таких дровах, вы испытаете райское наслаждение. Можно сказать, что именно мысль о барбекю направила меня на задний двор, но, боюсь, я пошла туда из духа противоречия. Признаю, это та черта, от которой я пытаюсь избавиться.

Я обошла дом с торца и вышла на задний двор. Картина, открывшаяся мне, была поразительна: безупречно голубое небо, зеленый газон, аккуратные цветочные клумбы, каменные стены и статуи. Просто музей под открытым небом! Впечатление было потрясающее.

В глубине сада был еще один домик. Из-за открытой двери не доносилось никаких звуков. Я на цыпочках прошла по траве (не из подражания Нэнси Дрю⁶, а потому, что пыта-

⁶ Нэнси Дрю – девушка-детектив, героиня популярных детективов для подростков и компьютерных игр.

лась уберечь от утренней росы шелковые отвороты брюк) и заглянула внутрь. Секунду мои глаза привыкали к полутьме, а потом я увидела его.

Он стоял над деревянным чертежным столом, упершись руками о грубую поверхность, голова его склонилась, как если бы он молился, или смертельно устал, или глубоко задумался. Поблизости не было ничего, что бы говорило о работе.

– Здравствуйте, мистер Джексон!

Он выпрямился и повернулся ко мне. Сразу скажу: этот мужчина, несомненно, был из категории «Досадная Ошибка» – природа слишком щедро и напрасно потратила на него красоту. У него была идеальная внешность – высокий, темноволосый, мужественный. Он ничуть не был похож на гея. С виду ему можно было дать лет тридцать, и слова вроде «маленький», «педик» и «противный» с ним никак не ассоциировались. Хотя откуда мне знать. В жизни не встречала голубых, а если и встречала, то не была в курсе их сексуальной ориентации.

«Досадная Ошибка» – еще полбеды. Как это ни ужасно, но при взгляде на него я почувствовала страстное желание. Лучше бы он оказался геем, подумала я, так как я была все-еще-замужем. Как только я вспомнила об этом, мой страстный порыв тут же стал совсем-не-таким-опасным. Любопытно.

– Сойер Джексон? – повторила я, не дождавшись ответа.

По-прежнему тишина.

Он окинул меня взглядом с головы до ног (уроки этикета пошли бы ему на пользу) и прислонился широким плечом к опоре, как будто пришел на пробы на роль ковбоя Мальборо. Его джинсы сидели низко на бедрах, расстегнутая рубашка обнажала точеный торс, и мне пришлось напомнить себе, что он предпочитает мужчин.

Конечно, он был со мной довольно груб в своих сообщениях на автоответчике, но я тем не менее с нетерпением ждала момента, когда он наконец поймет, кто я такая, и примет меня, как полагается. Я знала, что его считают замкнутым и нелюдимым, но кто устоит против моих чар? Я чуть не улыбнулась, представив себе, как этот грубиян вдруг начнет лезть из кожи вон, чтобы угодить мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.